

Изучение историко-культурного
наследия Ханты-Мансийского
автономного округа - Югры

Древнее оборонное зодчество таёжного населения Западной Сибири (энеолит, начало и середина бронзового века)*

В.А. Борзунов

г. Екатеринбург

Центр археологических исследований

Института гуманитарных наук и искусств

Уральского федерального университета

Этапы распространения древних укреплений в Западной Сибири

Первый, неолитический, этап зарождения и функционирования древнейших в таёжном Приобье, Западной Сибири и в целом на севере Евразии городищ и их прототипов — укрепленных жилищ — датируется VI—IV/III тыс. до н. э. Отчасти он синхронен двум первым волнам распространения укрепленных поселков в Старом Свете (VIII—VI; V—IV тыс. до н. э.). Следующие четыре этапа их развития в Евразии приходятся на перв. пол. и кон. эпохи бронзы (XXII/XXI—XV; XII—IX/VIII вв. до н. э.), а также перв. (VIII/VII—IV вв. до н. э.) и втор. (IV/III в. до н. э. — III в. н. э.) пол. раннего железного века¹.

«Крепости» каменного века таёжного Приобья и Зауралья подробно охарактеризованы в предыдущих работах². В данной публикации будут рассмотрены укрепленные объекты таёжного севера Западной Сибири энеолита и перв. пол. эпохи бронзы (кон. IV — сер. II тыс. до н. э.).

Пути развития укрепленных поселений на севере, юге и юго-востоке Западной Сибири (*ареалы I—III*) после неолита были неодинаковы.

Укрепления энеолита в западносибирской тайге

Энеолит в данном регионе (кон. IV — III тыс. до н. э.), определяемый иногда как переходный период между неолитом и бронзовым веком³, совпал с очередным плювиалом и был относительно мирным периодом экстенсивного освоения богатых биоресурсами (рыба, зверь, птица,

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, НИР № 1913, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

ягоды, орехи и т.д.) глубинных северных лесных территорий. В таёжном Приобье, помимо прочего, он отмечен увеличением числа селищ и стоянок (речь идёт о сотнях памятников), особенно на малых реках и озёрах; перемещением стационарных посёлков на более высокие места; широким использованием приёмов коллективной загонной охоты с помощью изгородей, сетей и ловчих ям, наряду с индивидуальным промыслом зверя; сочетанием сетевого и запорного рыболовства. Заметно усилилась осёдлость населения. Жилые и производственно-жилые постройки в стационарных («базовых») долговременных круглогодичных и зимних поселениях представлены квадратными и прямоугольными землянками, на сезонных охотничье-рыболовческих стоянках («промысловых лагерях») и производственных площадках, функционировавших в тёплое время года, — малыми каркасно-столбовыми полуземлянками и наземными каркасными сооружениями типа чумов и шалашей. В ряде случаев земляные полы в жилищах были покрыты охрой⁴. Увеличение населения тайги в этот период было обусловлено как естественным ростом, так и продолжающимся притоком переселенцев с юга, начавшимся ещё в неолите. Впрочем, в энеолите этот поток, вероятно, уменьшился. Миграции в лесной зоне имели место⁵, но стали, по-видимому, более редкими и локальными. Изменение этнокультурной карты региона, по сравнению с неолитом, нашло отражение в формировании новых групп населения с керамической посудой, украшенной гребенчатым, гребенчато-ямочным, накольчатый, «текстильным» и иным декором. В целом же северный энеолит с точки зрения орудийного комплекса по сути дела являлся завершающей фазой эпохи камня. Бронзовый век наступил в таёжном Приобье позже — не ранее перв. трети II тыс. до н. э. Источников руды на Западно-Сибирской равнине нет, поэтому первые и довольно редкие изделия из привозного цветного металла появились здесь только в начале эпохи бронзы.

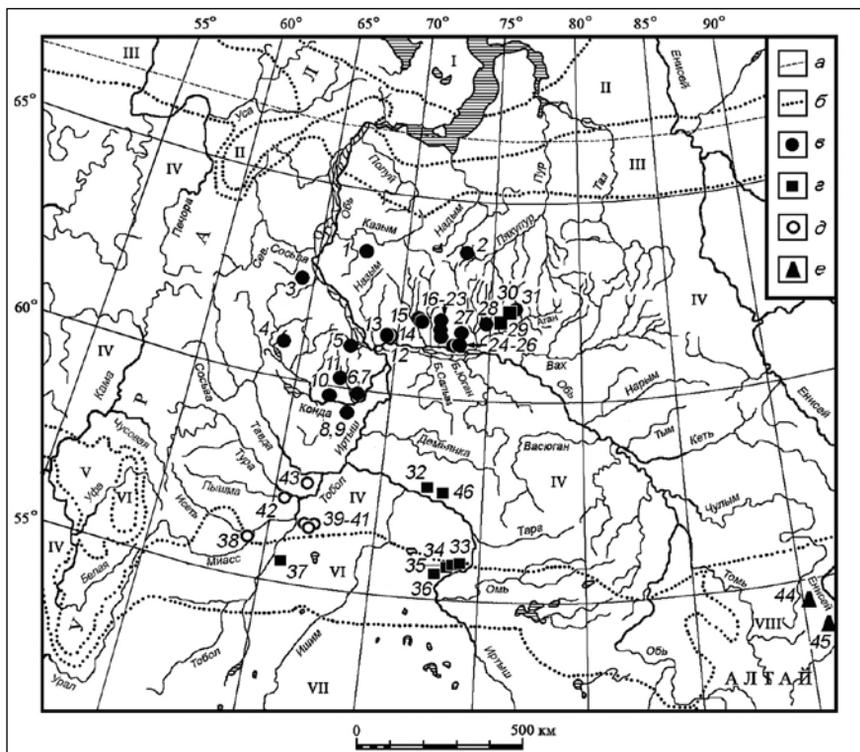
В энеолите на севере Западной Сибири, в приобской тайге (*ареал I*), *городища* доживали свой век на востоке Сургутского Приобья — в бассейне р. Агана (правый приток Оби). Здесь их известно только два: Имньёган 2.1 (разведка А.Н. Бессмертных, К.Г. Карачарова 1995 г.)⁶ и Нёх-Урий 3.3 (разведка С.А. Мызникова 2004 г.)⁷ (ил. 1—29, 30; 2). Оба эти укрепления их исследователи и автор этих строк ранее относили к позднему неолиту или неолиту — энеолиту. Этому не противоречат найденные на городище Имньёган 2.1 гранитный шлифовальный и обломки глиняных шлифованных лоцил, орнаментированные гребенчатой ёлочкой, а главное — осколки баночных сосудов, украшенные

волнисто-прочерченными, отступающе-накольчатыми и «текстильными» узорами, шагающей гребёнкой и пояском круглых ямок под венчиком⁸. В то же время анализ керамики укрепленных поселений Нёх-Урий 3.3 и Нивагальское 20, проведённый В.И. Стефановым и К.Г. Карачаровым, позволил скорректировать хронологию двух последних памятников в сторону омоложения — до энеолита.

Третье подобное мысовое укрепленное энеолитическое поселение (Каюково 1), по мнению К.Г. Карачарова, было открыто им в 1991 г. в объ-иртышском междуречье, в верховьях р. Большого Югана. Памятник находится на невысокой (1,5 м) гриве у заболоченной поймы, рядом с неолитическим городищем Каюково 2⁹. Вместе с тем, до проведения стационарных археологических работ на Каюково 1, это только гипотеза. На остальных таёжных приобских территориях городища исчезли вплоть до кон. бронзового — нач. железного века.

Кроме того, в энеолите, по-видимому, повсеместно начали формироваться *укрепленные жилища второго типа*. Об этом, в частности, свидетельствуют ранний горизонт поселения Волвонча I на протоке

Полымьятской в бассейне р. Конды (разведка А.В. Малышкина 1977 г., раскопки Н.К. Стефановой 1979 г.)¹⁰, городище Нивагальское 20 на берегу р. Нонкъёган — правом притоке р. Аган, в Сургутском Приобье (разведки Е.А. Данилова, К.Г. Карачарова, 2010, 2011 гг.; рекогносцировочные раскопки П.С. Бахарева 2011 г.)¹¹ и укреплённое жилище Тёплый Ручей II в верховьях р. Малой Сосьвы, в Нижнем Приобье (разведка С.Ф. Кокшарова 1990 г.)¹² (ил. 1—3). Из перечисленных выше памятников стационарно исследовано только поселение Волвонча I, на остальных укреплениях заложены только разведочные шурфы.

Для сравнения: укреплённых поселений на юге Западной Сибири, в лесостепи, равно как в урало-казахстанских степях, лесном Приуралье и Восточной Сибири, в каменном веке и энеолите ещё не существовало.

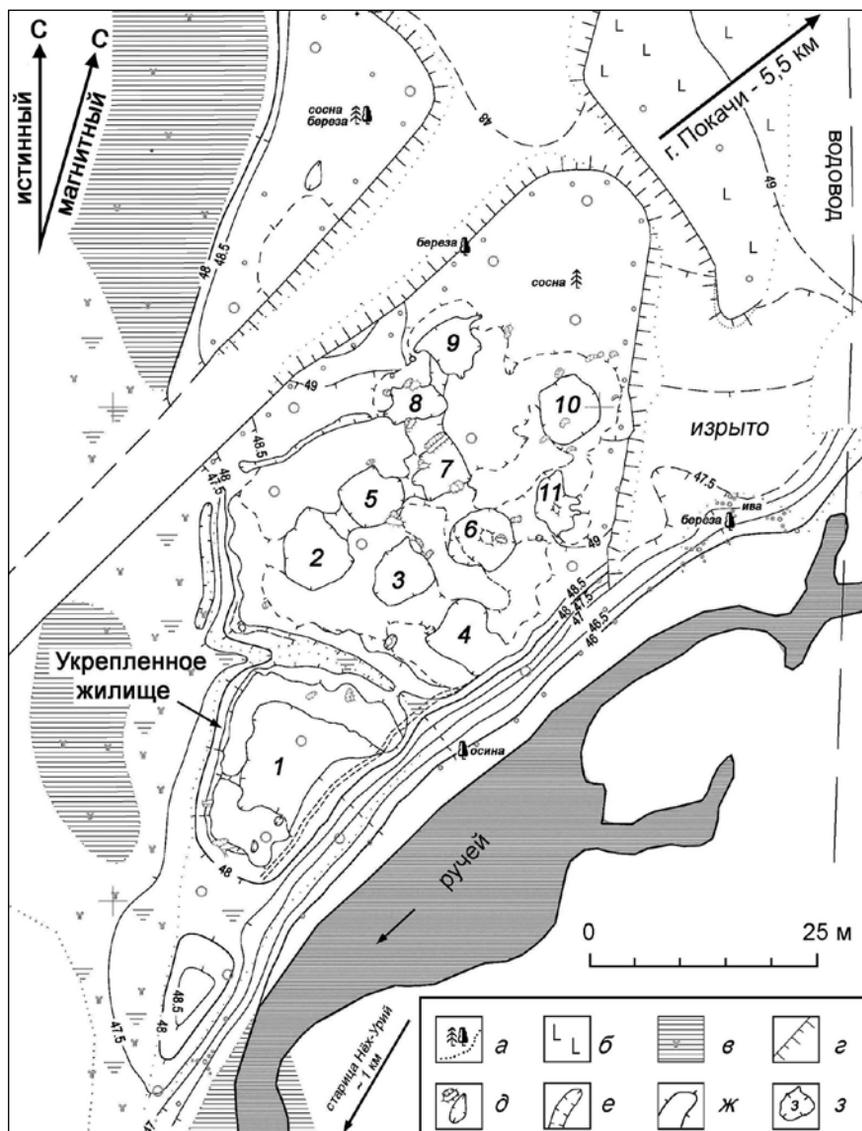
Оба интересующих нас городища — Имньёган 2.1 кон. неолита — энеолита¹³ и энеолитическое Нёх-Урий 3.3 (ил. 2) — по топографии, планиграфии и размерам близки раннеэнеолитическому городищу Амня I¹⁴.

Ил. 1. Карта укреплённых поселений и их прототипов финала неолита — энеолита (30), энеолита (3, 6, 28, 29) и первой половины бронзового века (1, 2, 4, 5, 7—27, 31—45) в Западной Сибири

Памятники: 1 — Товгор-Лор VI (ранний горизонт); 2 — Шетнмато-Лор (объект 1)*; 3 — Тёплый Ручей II; 4 — Большая Умытья 28*; 5 — Ендырское VIII (ранний горизонт)*; 6 — Волвонча I (нижний горизонт)*; 7 — Волвонча I (верхний горизонт)*; 8 — Пашкин Бор I (нижний горизонт)*; 9 — Пашкин Бор I (верхний горизонт)*; 10 — Турсунт IV; 11 — Среднереченское жилище № 1; 12, 13 — Балинское 1*, Балинское 53* (большие неукреплённые); 14 — Песиково 1; 15 — Песиково 19; 16 — Быстрый Кульёган 2; 17 — Быстрый Кульёган 38*; 18 — Быстрый Кульёган 40; 19 — Быстрый Кульёган 44; 20 — Быстрый Кульёган 73; 21 — Быстрый Кульёган 77; 22 — Быстрый Кульёган 100; 23 — Быстрый Кульёган 105; 24, 25 — Барсова Гора II/37 (объекты 1, 2); 26 — Барсова Гора II/22*; 27 — Моховая 8 (два жилища)*; 28 — Нивагальское 20*; 29 — Нёх-Урий 3.3; 30 — Имньёган 2.1; 31 — Имньёган 2.2 (объект 8); 32 — Хутор-Бор I (ранний ров)*; 33 — Инберенское X*; 34 — Черноозерское I (Черноозерье I)*; 35 — Черноозерское VI (Черноозерье VI)*; 36 — Сибирская Саргатка IV (Сибсаргатка IV) (ранний горизонт)*; 37 — Камышное II (ранний горизонт)*; 38 — Ташково II*; 39 — Заводоуковское VIII/1; 40 — Заводоуковское X (ранний горизонт)*; 41 — Заводоуковское XIII*; 42 — ЮАО—XIII*; 43 — Иска III*; 44 — Чебаки (ранний горизонт)*; 45 — Устанах*; 46 — Ямсыса VII (ранний ров)*.

Условные обозначения: а — Северный полярный круг; б — границы современных природно-климатических зон (I — тундра; II — лесотундра; III — редколесье; IV — тайга; V — широколиственно-лесная; VI — лесостепь; VII — степь; VIII — горные районы); в — укреплённое жилище; г — городище; д — поселение с замкнутой («кольцевой») расстановкой жилищ вокруг относительно свободного центра; е — горное укрепление—све.

Примечание: звёздочками отмечены памятники, на которых закладывались раскопки или разведочные траншеи

Ил. 2. Поселение (городище) Нёх-Урий 3.3. Сургутское Приобье, бассейн р. Агана, старица Нёх-урий. Неолит – энеолит. Общий план памятника. Разведка С.А. Мызникова 2004 г. Общий план (сечение основных горизонталей – 1 м; вспомогательных – 0,5 м).

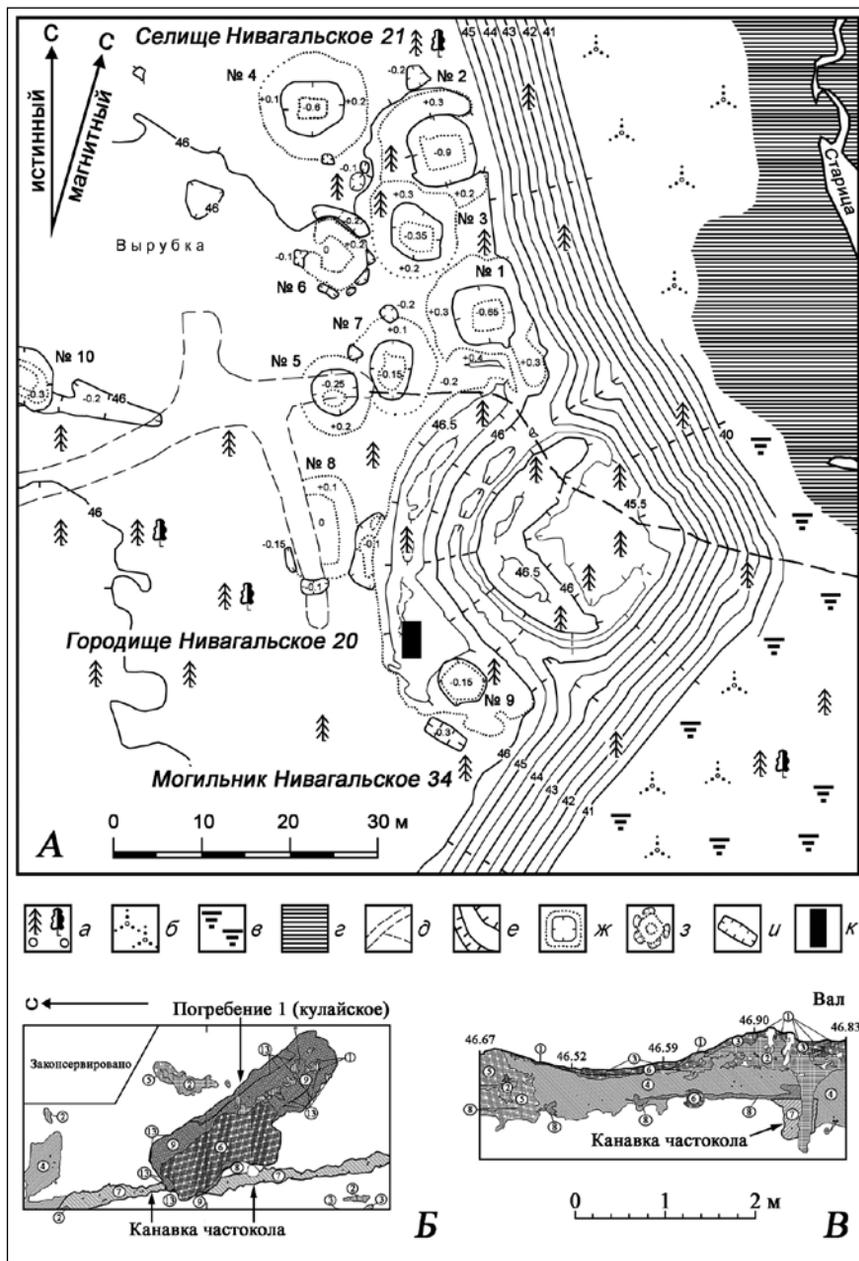
Условные обозначения: а – лес; б – вырубка; в – болото, заболоченная пойма; г – откос; д – ямы от выворотней; е – ровик, ров; ж – вал, обваловка жилищной впадины; з – жилищная впадина

Первые два памятника расположены на остроугольных мысах высотой 4 и 6—7 м, вдающихся в заболоченные поймы рек. Укрепления двухплощадочные, ограничены с напольной стороны дуговидными валами и рвами. При этом первую площадку на каждом из них образуют оконтуренные рвом укрепленные жилища площадью, соответственно, 360 (объект 7) и 250 (объект 1) кв. м, приуроченные к оконечности мыса. На второй площадке размещались средней величины землянки, в том числе с покрытыми охрой полами (Имнѣган 2.1). Размеры памятников практически равны: 62х30—35 м (ок. 1900 кв. м) и 65х35 м (ок. 2000 кв. м).

Энеолитическую постройку поселения Волвонча I на протоке Польшмятской в низовьях Конды С.Ф. Кокшаров и Н.К. Стефанова реконструировали как жилище «шатрового типа» с котлованом размерами 16х13х0,8—0,9 м (~208 кв. м). «Большая площадь постройки при её незначительной глубине предполагает достаточно мощную несущую конструкцию. С её остатками связаны наиболее глубокие (0,3 м и более) ямки. По-видимому, на них укреплялась подпрямоугольная рама, которая служила основой для сооружения наклонных стен и кровли. Снаружи стены присыпались грунтом, вынутым из котлована и канавы»¹⁵. Со стороны данное сооружение в древности выглядело как песчаный холм. Аналогией ему является «наземная шатровая постройка» двухслойного памятника эпохи бронзы Пашкин Бор I, расположенная на противоположном берегу Конды¹⁶. На мой взгляд, такая характеристика энеолитического сооружения не совсем верна. Зафиксированная при раскопках подквадратная в плане канавка с отводом в юго-восточном углу (ил. 4) осталась, скорее всего, от нижних венцов горизонтально уложенных брёвен вертикальных стен слабо углублённого подквадратного в плане (20х15—20 м) жилища с крытым коридорообразным входом, а не от основания каркасно-столбовой пирамидальной конструкции. Сложенное из жердей двух- или четырёхскатное перекрытие покоилось на стенах и системе лаг, установленных на вертикальных столбах, находившихся в помещении. Снаружи постройка была укреплена невысокой песчаной завалинкой и окружена кольцевым рвом шириной ок. 3 м¹⁷. Вместе с тем «топография памятника и трудозатраты на возведение дома, — как справедливо полагает С.Ф. Кокшаров, — свидетельствуют, что здесь обитал крупный таёжный коллектив, объединённый ведением общего хозяйства. Долговременность поселения устанавливается также по количеству и составу археологических находок, представленных керамической посудой и рыболовными грузилами»¹⁸.

В свою очередь, энеолитическое городище (укреплённое жилище) Нивагальское 20, локализуемое на тупоугольном береговом выступе высотой 4,0–4,5 м, как полагают его исследователи, представляло собой «единую», точнее монолитную, деревоземляную наземную постройку. Её остатки имеют вид подквадратной (20–23х20–23 м) площадки, оконтуренной дуговидным песчаным валом шир. 5,7 и выс. 1,0 м. Снаружи от насыпи прослеживается напольный дуговидный ров, шириной 5,0 м, глубиной 0,8 м, а также более узкий и высокий (5,0 и 1,3 м) внешний вал. Перепад высот между внутренним валом и рвом — порядка 1,2 м, между внешним валом и рвом — 1,5 м. В разведочном шурфе (4х2 м), заложенном у внешней полы второго вала, вскрыт отрезок канавы длиной 4,2 м, шириной 0,07–0,20 м, глубиной от современной поверхности 0,7–1,1 м (ил. 3). Он остался от основания оборонительной стены, типа частокола, защищавшей укреплённое жилище. Сохранившаяся площадь памятника — 900–950 кв. м (35х30 м), собственно жилой постройки — порядка 400 кв. м¹⁹.

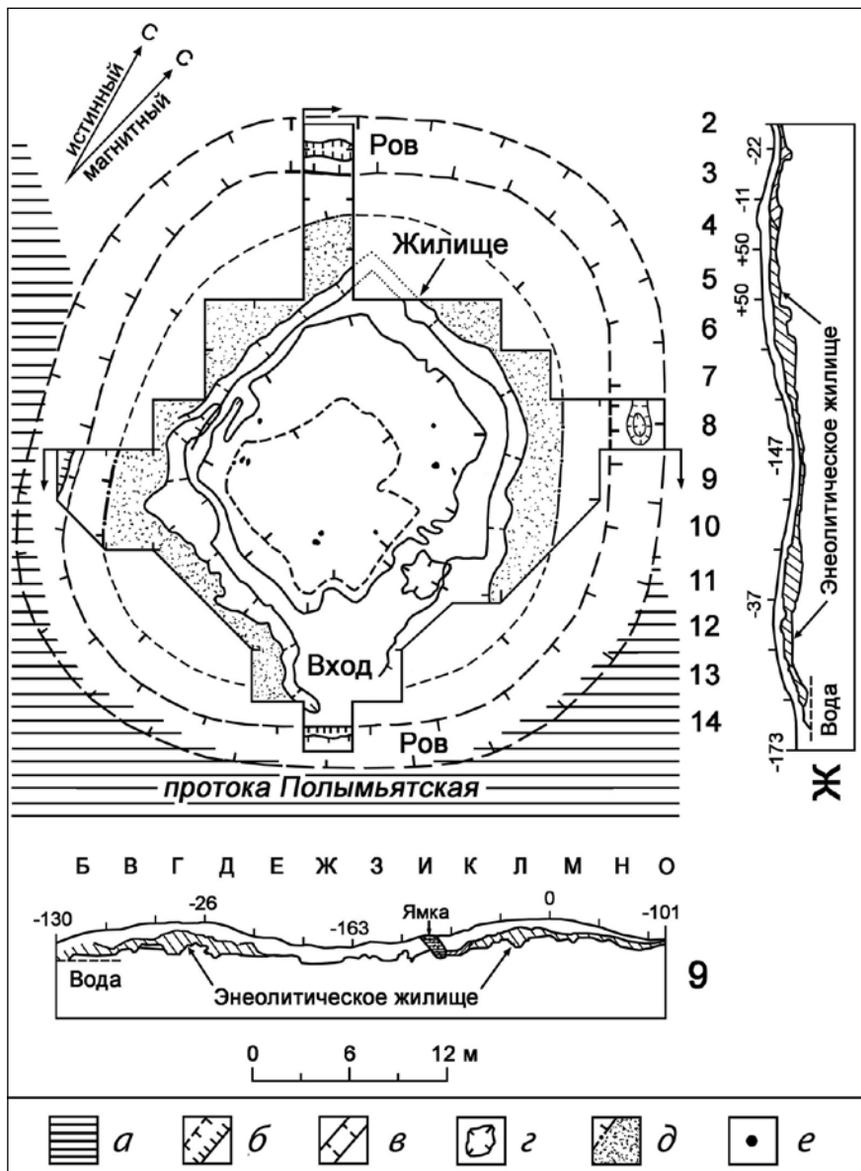
Остатки укреплённого жилища Тёплый Ручей II находятся на мысовидном выступе правого коренного берега р. Ем-ёган (правый приток Большого Ем-ёгана), в 58 м от современного русла реки. Высота мыска от поймы — 4 м. В рельефе прослеживается большая (12х11 м) трапециевидная в плане впадина глубиной до 1,7 м, оконтуренная песчаным валом шириной до 4 м, дополненная узким внешним ровиком (ил. 8–1). Площадь памятника — 360 кв. м²⁰.

Глиняная посуда поселения Волонча I (свыше 300 сосудов), декорированная гребенчато-ямочными узорами, относится к волон-

Ил. 3. Городище (укреплённое жилище) Нивагальское 20. Сургутское Приобье, р. Аган. Энеолит. В основе — инструментальный план Е.А. Данилова 2010–2011 гг. Рекогносцировочные раскопки П.С. Бахарева 2011 г.: А — общий план памятника (сечение основных горизонталей — 1 м; вспомогательных — 0,5 м); Б — план шурфа; В — профиль западной стенки шурфа.

Номера слов: 1 — «дёрн» (лесная подстилка и гумус); 2 — белый и серый оподзоленный песок (подзол); 3 — переотложенный песок с «дёрном» и подзолом; 4 — переотложенный жёлто-коричневый песок (вал городища); 5 — перемешанный жёлто-коричневый с «дёрном» и подзолом песок (выворотень сосны); 6 — переотложенный серо-коричневый песок (отвал грабительского шурфа); 7 — серо-жёлтый с мелкими угольками песок (канавка оборонительной стены); 8 — серый песок; 13 — тёмно-серый песок, насыщенный органическим тленом (стенки и дно кулайского погребения).

Условные обозначения: а — лес; б — кусты; в — болото; г — заболоченная пойма вокруг старицы; д — лесная грунтовая дорога и тропа; е — ров и вал укреплённого жилища; ж — жилищная впадина с обваловкой; з — наземная приподнятая площадка, окруженная ямами (остатки наземного жилища); и — погребение кулайского могильника; к — шурф 2011 г.

Ил. 4. Поселение (укреплённое жилище) Волвонча I. Бассейн Конды. Горизонт энеолита. Общий план, план и профили раскопа. Раскопки Н.К. Стефановой 1979 г.

Условные обозначения: а — водоём; б — ров; в — канавка в основании стен жилища; г — котлован жилища, яма; д — песчаная обваловка основания стен жилища; е — столбовая ямка

чинскому типу. На данном памятнике её сопровождали черепки от более ранних энеолитических сосудов атымьинского и ушьяинского типов, глиняные грузила от рыболовных сетей (сигаровидные, цилиндрические с притупленными концами и архаичные биконические), а также шлифованные тѣсла из зеленокаменной породы²¹. На поселении (городище) Нѣх-Урий 3.3 обнаружены каменные (халцедон, кварц, сланец) наконечники стрел и абразив на четырёхугольной плитке²². Немногочисленная энеолитическая керамика городища Нивагальское 20, украшенная наколами, отпечатками материи и гребенчатыми оттисками, пока культурно не определена. Наличие среди неё обломков сосудов с наклепными валиками и гребенчато-ямочным декором²³ не исключает, что данное укрепление могло быть перестроено в начале эпохи бронзы, как и поселение Волвонча I. Рядом с укреплением Тѣплый Ручей II найден обломок глиняного биконического грузила. С поверхности вала жилища собраны осколки глиняной посуды, украшенной ямками, оттисками гребѣнки и прочерченными желобками. С.Ф. Кокшаров считает её энеолитической²⁴, но некоторые элементы декора напоминают раннебронзовые узоры.

Укрепления бронзового века на юге Западной Сибири

Первая половина и финал эпохи бронзы в Западной Сибири отмечены двумя очередными пиками обострения военной напряжѣнности и передела земель. В кон. III — сер. II тыс. до н. э. вследствие массовых миграций скотоводческих племен городища распространились на громадных пространствах евразийских степей. В XVIII—XIV вв. до н. э. в западносибирской лесостепи и южной тайге (*ареал II*) на основе пришлых степных групп из Верхнего Приобья, Южного Урала и Северного Казахстана, отчасти при участии осколков местных коллективов, формируются новые, в том числе гетерогенные, общины с комплексным производящим и присваивающим хозяйством: раннеалакульские с андроновско-канайским компонентом, кротовские, кротовско-степановские, черноозурские и др. Ими сооружаются первые на юге Западной Сибири мысовые и береговые городища: Камышное II, Черноозерское VI, Инберень X, Черноозерское I, Сибсаргатка IV, возможно, Хутор-Бор-I и Ямсыса VII (ранние рвы)²⁵ (ил. 1—32—37, 46). При этом миниатюрное (ок. 17x22 м) кротовское укрепление Инберень X, окружѣнное синхронным селищем, было формально сходно с таѣжными укрепленными жилищами, хотя имело иную архитектуру. Оно было расположено у края коренной террасы

Иртыша, окружено прямоугольной в плане канавой — по-видимому, от основания частокольной стены. Значительную часть «цитадели» занимало большое (10—12х18 м) наземное жилище с двумя разной величины камерами, слабо углублёнными в грунт. Двор длинный, но неширокий (20х4—6 м), располагался с северной стороны от дома²⁶. Помимо этого, в южно-таёжных районах Нижнего Притоболья в начале эпохи бронзы появились посёлки с замкнутой расстановкой жилищ по кругу и овалу²⁷, принадлежавшие населению ташковской культуры, которые я считаю одним из прообразов укреплённых посёлков²⁸ (ил. 1—38—43).

В конце бронзового и начале железного веков (нач. — сер. I тыс. до н. э.) оборонное зодчество продолжает развиваться потомками лесостепных и южно-таёжных западносибирских коллективов, о чём свидетельствуют сузгунские, ирменские, красноозерские, карьковские, бархатовские, гамаюно-иткульские (исетские), карагай-аульские (юртоборские) и завьяловские городища.

Третий (III) ареал древнейшего оборонного зодчества в Сибири образуют оригинальные крепости-све эпохи бронзы Хакасии и Минусинской котловины с каменной оборонной и жилой архитектурой (Устанах, Чебаки, Шишка, Чергатинская и др.). Их первыми строителями были, по-видимому, носители окунёвской культуры, а их преемниками — карасукские племена²⁹. В том же ареале — в верховьях Енисея, на р. Чаа Холь — открыто древнейшее равнинное укрепление бронзового века Тувы — Бажын-Алаакское (нижний горизонт), окружённое земляным валом с «деревянным тыном» и рвом шириной 3 м³⁰.

Укрепления первой половины бронзового века на севере Западной Сибири

*Вторая волна строительства укреплений на севере Западной Сибири приходится — по местным меркам — на первую половину эпохи бронзы (нач. — сер. II тыс. до н. э.)*³¹. Интересующие нас памятники выявлены между 55°10' и 64°10' с.ш. (ил. 1—1, 2, 4, 5, 7—11, 14—27, 31). В средней и северной тайге Приобья в этот период местные общины охотников-рыболовов начали в массе возводить укреплённые жилища второго типа. Типологически данные объекты занимают промежуточное место между обычными неукреплёнными поселениями (селищами) и укреплёнными (городищами).

Напомним, что к *первому типу* таких поселений относились малые одноплощадочные («одноворные») укрепления, состоявшие из одного

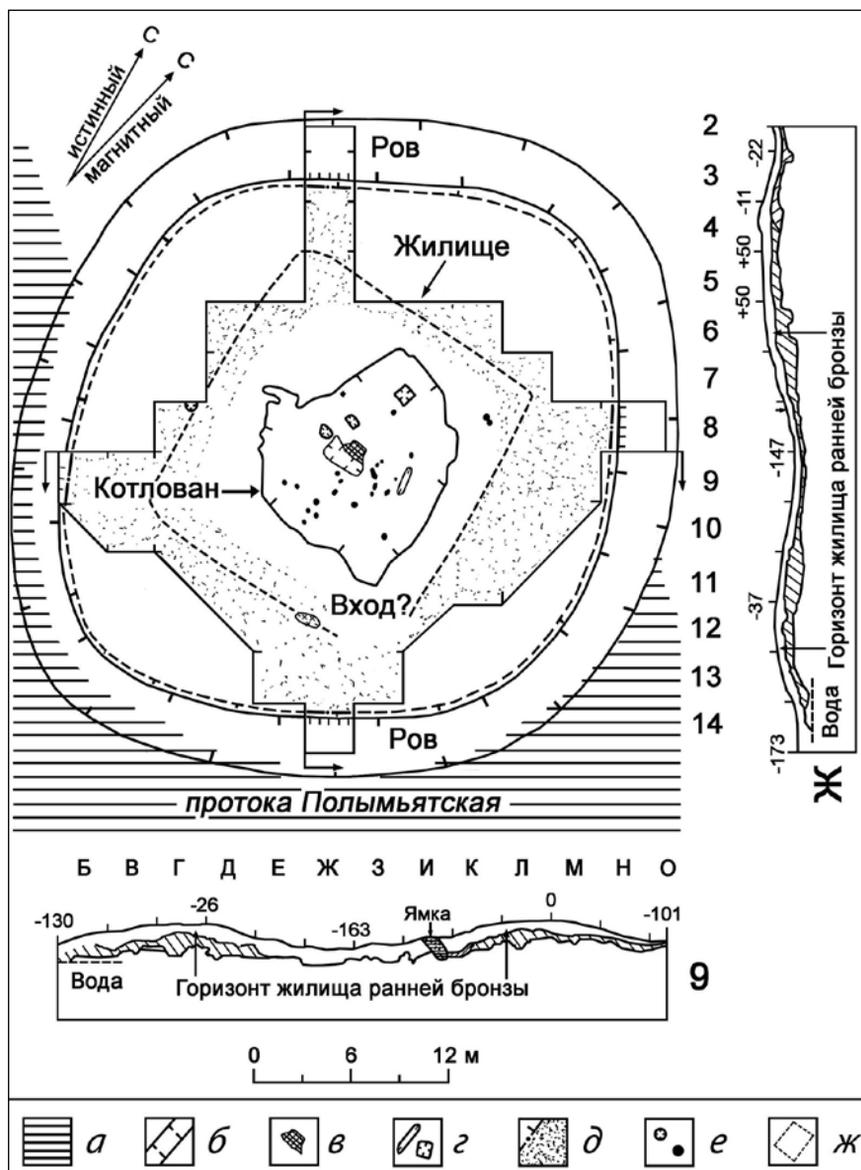

жилища любой конструкции, площадью до 70 кв. м, окружённые на некотором расстоянии оборонительной стеной, иногда дополненной внешним рвом³². В их число входили некоторые сибирские неолитические посёлки — Амня I (первая площадка), Большая Умытья 9, Мишкино 5, а также укрепление конца неолита — энеолита Имнъёган 2.1 (первая площадка, объект 7)³³.

Второй тип — это большие и мощные одиночные бревенчато-земляные дома, окружённые валом и рвом, иногда с дополнительной защитной стеной.

Прообразами этих «домов-крепостей» являлись оконтуренные канавами неолитические объекты типа Быстрого Кульёгана 66, Усть-Тары XXVIII (объект 1)³⁴, энеолитические жилища Имнъёгана 2.1 (объект 7) и Имнъёгана 2.2 (объект 8), а также большие одиночные полуземлянки без рвов и иных защитных конструкций. Последние объекты сооружались в энеолите и начале бронзового века в бассейне р. Конды, в Сургутском и Нижнем Приобье (Большая Умытья 100, Савуй-Пеу IV, Нумто 1, Нумто 2, Серебрянка 2, Серебрянка 3 и др.). Они располагались как у краёв коренных террас, так и в глубине леса. По всей видимости, это были стационарные зимние жилища. Два таких объекта с керамикой балинского и полымьятского типов — Балинское 1 (ил. 7) и Балинское 53³⁵ — раскопаны³⁶.

Общая характеристика западносибирских укрепленных жилищ первой половины бронзового века. В западной части таёжного Приобья открыто не менее 22 таких объектов (ил. 1—1, 2, 4, 5, 7—21, 23—27, 31; 4; 5; 8—б—ж, к; 9—16)³⁷, на 8 из которых (Волвонча I — поздний горизонт, Пашкин Бор I — оба горизонта, Быстрый Кульёган 38, Барсова Гора II/22, Моховая 8, Щетнмато-Лор I, Большая Умытья 28, Ендырское VIII — ранний горизонт) проведены раскопки³⁸, а на остальных заложены только шурфы. Поселения бассейна р. Конды этого времени причислены к памятникам с керамикой раннего и позднего полымьятских типов, объекты Сургутского Приобья и верховьев Пура — к памятникам с посудой кульёганского типа, низовьев Среднего Приобья — балинского и полымьятского типов; керамика синхронных таёжных посёлков Нижнего Приобья пока культурно не определена. Помимо этого, на тех же территориях известно более десятка объектов, стационарно не исследованных, но по форме близких ранним укрепленным жилищам эпохи бронзы (Усть-Олье 5 — объект 4, Енья 19 — Ены-Янское, Окунёвый Мыс 1 — объекты 14, 43, Окунёвый Мыс 4, Среднереченское — жилище № 2, Тотымаявин 3, Тотымаявин 4,

Ил. 5. Поселение (укреплённое жилище) Волвонча I. Бассейн Конды. Горизонт эпохи бронзы. Общий план, план и профили раскопа. Раскопки Н.К. Стефановой 1979 г.

Условные обозначения: а – водоём; б – ров; в – очаг; г – ямы; д – песчаная обваловка основания стен жилища; е – столбовые ямки; ж – предполагаемая граница постройки

Тотымаявин 12 — объект 1, Тат-Ягун 58, Тат-Ягун 82, Угутское 8, Кучиминское XXI, Имнѣган 2.2 — объект 8 и др.) (рис. 8—з, к, л, м). Мы не исключаем, что аналогичные укрепления могли существовать в эпоху бронзы и в восточной части таёжного Приобья. По крайней мере, сходные по внешнему виду памятники выявлены в Нарымском Приобье (Могильный Мыс I, Новый Стан I, Новый Стан II, Новый Стан III)³⁹. К сожалению, они тоже пока не раскопаны, и точная хронология их не известна.

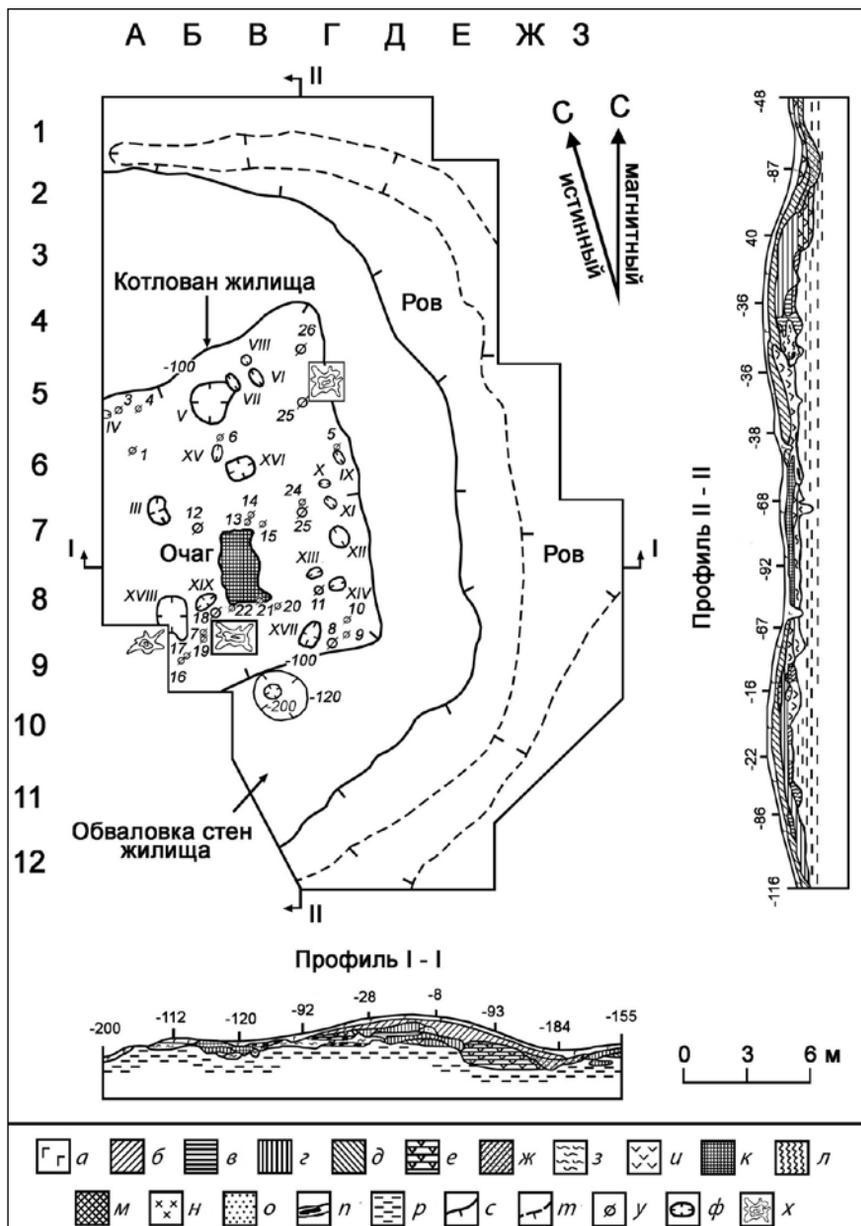
Анализируемые нами укрепленные жилища относятся к так называемым однодворным посёлкам. От вышеупомянутых больших неукрепленных объектов они отличаются близким расположением к воде, привязкой к высоким, естественно защищенным природой местам, наличием рвов и, возможно, дополнительных защитных сооружений, а также меньшей глубиной котлованов.

Местонахождение укреплений. Укрепленные жилища находились как на значительном расстоянии друг от друга (до нескольких сот километров), так и объединялись в небольшие локальные группы. При этом они располагались вдоль больших водных артерий, в том числе у Оби и Конды, а также на мелких речках и ручьях в глубине тайги; единичные укрепления зафиксированы на берегах лесных озёр. Впрочем, в первом случае они также возводились не близ основного русла реки, а у одной из её нешироких проток, что было обусловлено системой хозяйства первобытных охотничье-рыболовецких общин.

Выявленные «кусты укреплений», прежде всего, на речках Быстрый Кульѣган, Санкинкъявин и обской протоке Микишкиной, отражали как реальные (естественные), так и искусственные группировки. Каждая группа поселений, единство которых определяла однотипная керамика, была оставлена, скорее всего, локальным объединением родственных общин, проживавших на одной территории. Вместе с тем памятники, входящие в состав этих групп, чаще всего не были синхронными и возводились последовательно. Это, в первую очередь, относится к близко расположенным парам поселений: Быстрый Кульѣган 38 и Быстрый Кульѣган 40, Быстрый Кульѣган 73 и Быстрый Кульѣган 77, Быстрый Кульѣган 100 и Быстрый Кульѣган 105, Барсова Гора II/37 (объекты 1 и 2), Песиково I и Песиково 19. Новые укрепленные дома в таких местах появлялись, по-видимому, после разрушения более ранних. Этнографические данные по многим первобытным обществам мира показывают, что у населения каждого посёлка или постоянно мигрирующей группы была своя, более или менее чётко обозначенная

территория обитания и промысловой деятельности, радиусом не менее 5 км. Она была хорошо известна соседям, и нарушение её было чревато военными конфликтами. В нашем случае также трудно себе представить две первобытные «крепости», находившиеся в пределах

видимости, население которых без постоянных стычек добывало пропитание и другие необходимые ресурсы в одном лесу и на довольно убогой речушке. Даже для р. Быстрый Кульёган, на которой уже сейчас зафиксировано 8 укрепленных жилищ эпохи бронзы, сосредоточенных на пространстве длиной 10 км, мы можем теоретически допустить одновременное существование только двух-трех укрепленных жилищ на удалении 5 км.

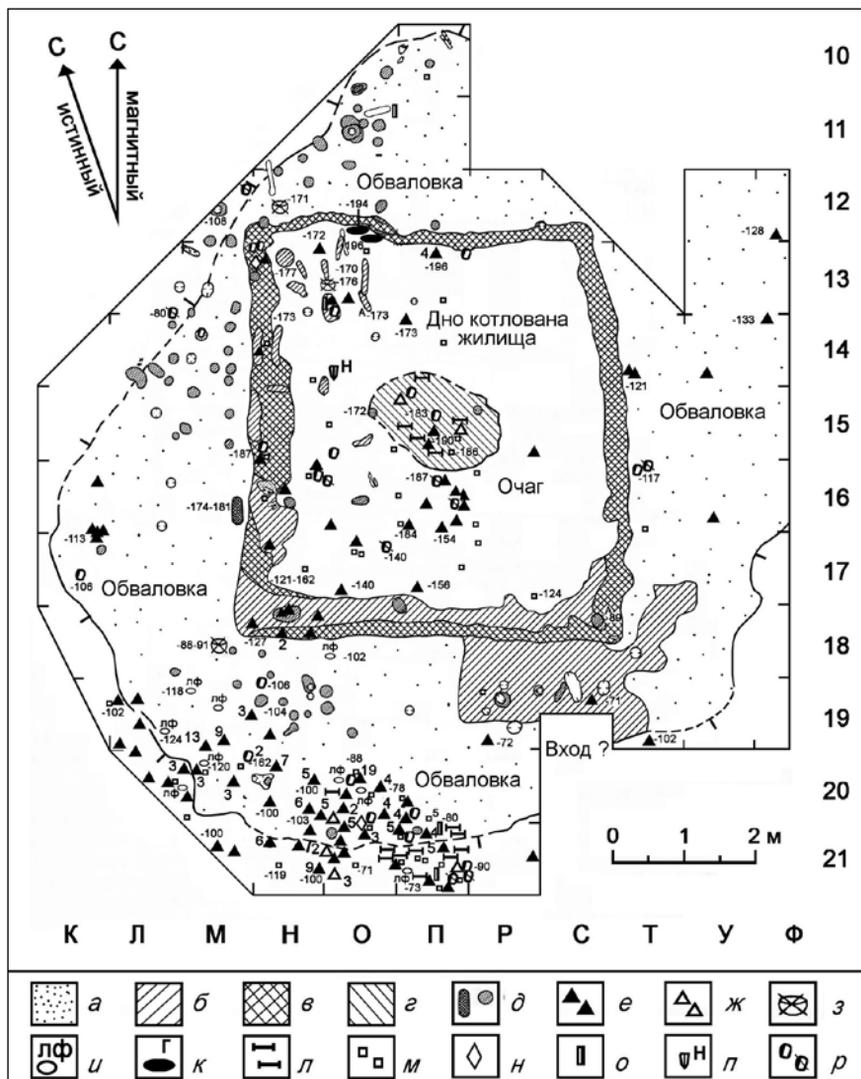
Укрепленные жилища второго типа возводились как на ранее не застраивавшихся участках, так и на площадках заброшенных неолитических (Барсова Гора II/22, Быстрый Кульёган 38) и энеолитических (Волвонча I — ранний горизонт) поселений. Укреплению эпохи бронзы Барсова Гора II/22 предшествовало кратковременное селище с такой же кульёганской посудой. Кроме того, зафиксирована перестройка укрепленных объектов эпохи бронзы в границах предшествующих, но уже разрушенных (Пашкин Бор I).

Синхронных селищ вокруг укрепленных жилищ второго типа ни разведками, ни раскопками не выявлено. Большие и малые неукрепленные посёлки эпохи бронзы — с обычными полуземлянками площадью от 20 до 70 кв. м, без рвов — находились на большом удалении от таких объектов. На первый взгляд, исключение из этого правила представляет селище Барсова Гора II/19, расположенное в 200 м к востоку от укрепленного жилища Барсова Гора II/22, за глубоким логом⁴⁰. Памятники объединяет керамика кульёганского типа. Между тем, судя по радиоуглеродным анализам и самой посуде, укрепление и селище, по-видимому, разновременные⁴¹.

Отдельный сюжет — соотношение таёжных укреплений и некрополей эпохи бронзы. В 240 м от укрепленного жилища Товгор-Лор VI⁴² (ил. 15) открыт и исследован могильник сейминско-турбинского хронологического горизонта Товкуртлор 3 с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой, каменными черешковыми наконечниками стрел,

Ил. 6. Поселение (укрепленное жилище) Пашкин Бор I. Бассейн Конды. Эпоха бронзы. План и профили раскопа. По Н.К. Стефановой и С.Ф. Кокшарову.

Условные обозначения: а — «дёрн» (лесная подстилка и гумус); б — жёлто-серая супесь; в — светло-серая с жёлтым оттенком слоистая супесь (ранняя насыпь); г — буро-белесая супесь; д — погребённый подзол; е — пестроцвет; ж — буровато-серая супесь; з — серая супесь; и — углистая супесь; к — коричневая супесь (очаг); л — светло-серая супесь; м — прокал; н — угли; о — выброс; п — охра; р — жёлтый материковый песок; с — границы котлована, обваловки стен жилища и раннего рва; т — границы позднего рва; у — столбовые ямки; ф — хозяйственные ямы; х — деревья, пни

Ил. 7. Поселение (большое одиночное неукреплённое жилище) Балинское 1. Сургутское Приобье, р. Балинка. Эпоха бронзы (балинский тип). Раскопки М.Ю. Баранова 2005 г. Общий план раскопа и жилища. I—III горизонты фиксации. Условные обозначения: а — переотложенный материковый песок (обваловка стен жилища); б — углистые слои; в — охристый песок, сходный с прокалённым; г — очажный слой (очаг); д — канавки, ямки; е — орнаментированная гребенчатая керамика; ж — неорнаментированные фрагменты керамики; з — раздавленный сосуд; и — обломки глиняной литейной формы; к — глиняное грузило; л — кальцинированные кости; м — отщеп; н — каменная плитка; о — каменная пластина; п — нуклеус; р — камень, расколота галька

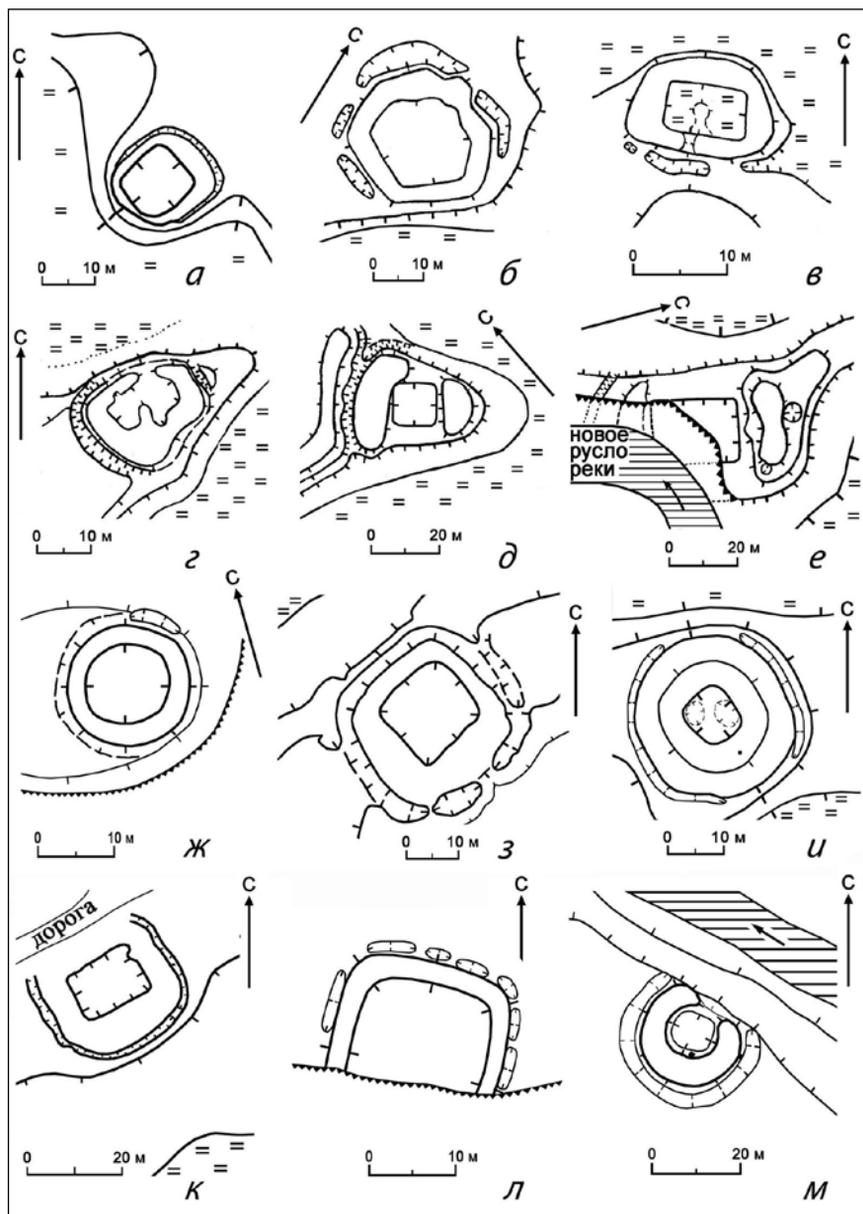

глиняной фигуркой животного и бронзовым скобелем-ножом⁴³. Керамические комплексы памятников несколько различаются, поэтому исследователи некрополя считают, что в бассейне Казыма отсутствуют поселенческие объекты, которые можно было бы уверенно связать с данным могильником. То же самое они отмечают и для сейминско-турбинского некрополя Сатыга XVI, раскопанного в бассейне Конды⁴⁴. Возможно, это и так. Тем не менее вполне допустимо, что памятники бронзового века, открытые на оз. Товкуртлор, были синхронны или близки по времени. В могильнике Товкуртлор 3 могли быть захоронены люди из нескольких окрестных посёлков, в том числе из соседнего действующего или недавно разрушенного укрепления Товгор-Лор VI. Что же касается различия керамики поселения и могильника, то оно может объясняться, как отметил В.И. Стефанов, обычной дифференциацией бытовой и погребальной посуды.

Основная часть укрепленных жилищ эпохи бронзы таёжного Приобья и верховьев Пура находилась на довольно высоких (4—20 м) для данных территорий местах: мысах и мысовидных выступах коренных террас близ рек и ныне заболоченных пойм. Такая топографическая привязка, в первую очередь, отвечала условиям обороны посёлков. Она обеспечивала естественную защиту населения от врагов и хороший обзор окрестностей, равно как оберегала людей от паводковых и ливневых вод. По сравнению с влажным и холодным энеолитическим периодом, в начале эпохи бронзы, отмеченной периодом ксеротерма, уровень воды в таёжных западносибирских реках был несколько ниже. Тем не менее у их коренных берегов, как в неолите и энеолите, продолжала функционировать целая сеть стариц и неглубоких проточных озерков, которая стала заторфовываться ближе к середине засушливого периода эпохи бронзы. В весенние половодья реки могли расширяться на десятки и сотни метров — до подножий современных коренных террас. Значительно реже укрепленные жилища эпохи бронзы фиксируются археологами у самой кромки воды и на высоте до 1,0—2,5 м от уровня водоёма: на берегах озёр (Щетнмато-Лор I, Товгор-Лор VI, Волвонча I) или близ небольших ручьёв в глубине леса (Быстрый Кульёган 77, Быстрый Кульёган 100, Большая Умытья 28 и др.). Последнее отчасти объясняется современной «подпруженностью» некоторых водоёмов и высоким уровнем вод. В целом же такая локализация жилищ для древних обитателей тайги была определена близостью к источнику воды и местам постоянного промысла рыбы.

Внешний вид, сохранность и параметры укрепленных объектов.
Особенностью таёжной зоны Западной Сибири, включая территорию средней и северной тайги Сургутского Приобья, а также верховьев Надыма и Пура, является хорошая выраженность остатков археоло-

гических объектов в рельефе. В том числе — общей формы, размеров и некоторых деталей интерьера руинированных укрепленных жилищ. Дело в том, что песчаные террасы с хвойной растительностью, на которых расположено большинство памятников северной археологии, достаточно долго — порой тысячелетиями — сохраняют на своей поверхности следы древних объектов — жилищ, производственных построек, городищенских рвов, валов, могильников, ям-ловушек и т. д. Такое явление обусловлено особенностями «промывного режима» в песках (быстрым «оседанием» мелких частиц органики и окислов железа вглубь грунтов, состоящих из относительно крупных кристаллов кварца), а также мощной корневой системой сосен, быстро «всасывающей» продукты разложения органики (перегнивший хвойный опад, древесина и т.д.). В результате наблюдается почти нулевой прирост лесной подстилки из тонкого слоя гумуса, опада хвои и листвы, покрытой мхами, лишайниками и кустарничковой растительностью. В свою очередь, ямы от упавших деревьев, котлованы и обваловки древних жилищ, ямы-карьеры, канавы и рвы, равно как и «выкиды» из этих углублений, искусственные платформы-насыпи, тем более в условиях малонаселенности тайги, прослеживаются в рельефе в течение сотен и тысяч лет.

В то же время из-за активного «промывного режима» органические остатки от этих построек, а также древние слои у поверхности валов и котлованов жилищ, сохраняются очень плохо. Здесь они почти полностью уничтожены «выщелачиванием», то есть образованием мощного горизонта бело-серого подзола, из которого вымыта органика, окислы железа и некоторые минеральные остатки. Между тем, в нижележащих «ожелезненных» песках (ортзанды, ортштейны) остатки сгоревших деревянных конструкций сохраняются лучше, а под переотложенными песками, в том числе под расплывшимися обваловками стен построек, консервируются пласты древней почвы (погребенные подзолы).

На поверхности остатки укрепленных жилищ первой половины эпохи бронзы фиксируются в виде одиночных прямоугольных и квадратных с

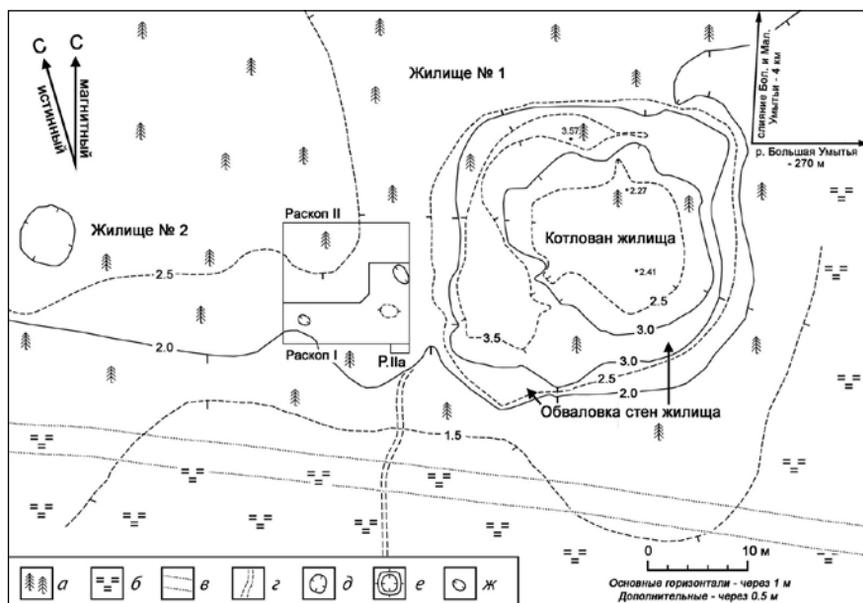
Ил. 8. Укрепленные жилища Нижнего Приобья (а), Сургутского Приобья (б–л) и бассейна р. Конды (м): а — энеолит; б–ж, и — эпоха бронзы; з, к, л, м — датировка не определена.

Памятники: а — Тёплый Ручей II; б — Быстрый Кульёган 44; в — Быстрый Кульёган 77; г — Быстрый Кульёган 2; д — Быстрый Кульёган 40; е — Быстрый Кульёган 38; ж — Барсова Гора II/37 (объект № 1); з — Тотымаявин 4; и — Песиково 19; к — Быстрый Кульёган 100; л — Барсова Гора II/37 (объект № 2); м — Енья 19 (Ены-янское).

Примечание: север — истинный

закруглёнными углами впадин площадью от 36 до 360 кв. м, глубиной 0,15–0,50 м, окружённых песчаными валами и внешними ровиками. Ширина расплывшихся валов в рельефе варьируется от 2 до 12 м, выс. — от 0,2 до 1,7 м. Ровики сплошные и прерывистые, в плане замкнутые подпрямоугольные и кольцевые, а также незамкнутые П-образные, дуговидные и прямые поперечные. Их ширина на поверхности — от 1,0 до 8,0 м, глубина 0,2–1,0 м (ил. 5; 6; 8–б–ж, к; 9–16). Иногда перед ними прослеживаются вторые, менее мощные насыпи (Быстрый Кульёган 40, Быстрый Кульёган 73, Товгор-Лор VI) (ил. 8–д; 10–Б; 15). Площадь памятников: 230–1250 (в среднем — 715) кв. м, в том числе без рвов — 200–925 (в среднем — 530) кв. м. Один посёлок (Моховая 8) площадью 1050 кв. м состоял из двух окружённых валами укреплённых площадок, примыкавших торцами друг к другу (ил. 13).

Ил. 9. Поселение Большая Умытъя 28, объект № 1 — укреплённое жилище. Бассейн Конды, р. Большая Умытъя. Эпоха бронзы (полымятский тип). Раскопки и съёмка С.Ф. Кокшарова, А.П. Зыкова 2003–2007 гг.

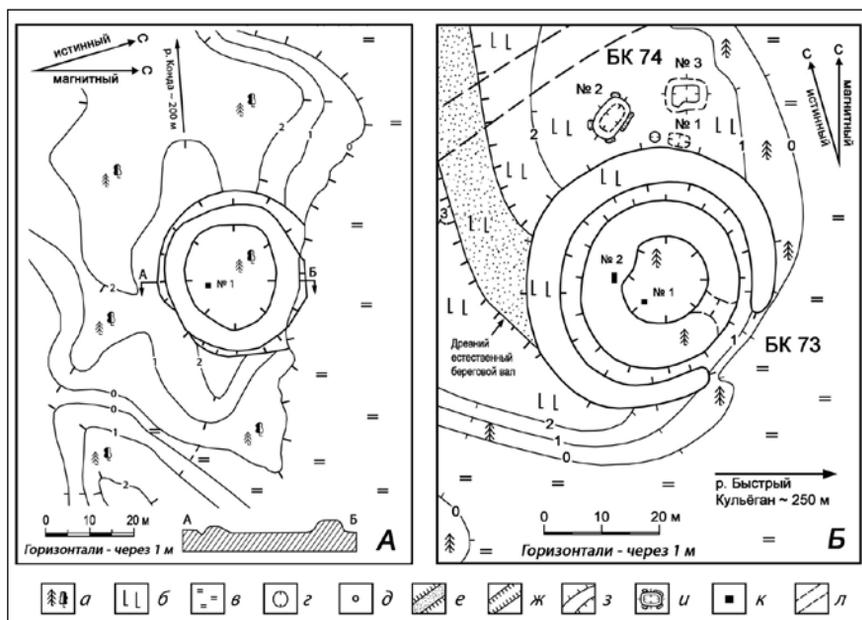
Условные обозначения: а — лес; б — заболоченная пойма; в — зимник (временная зимняя дорога); г — тропа; д — жилищная впадина; е — жилищная впадина с обваловкой; ж — яма.

Примечание: с чертежа удалены погребения средневекового могильника и точки нивелировки поверхности

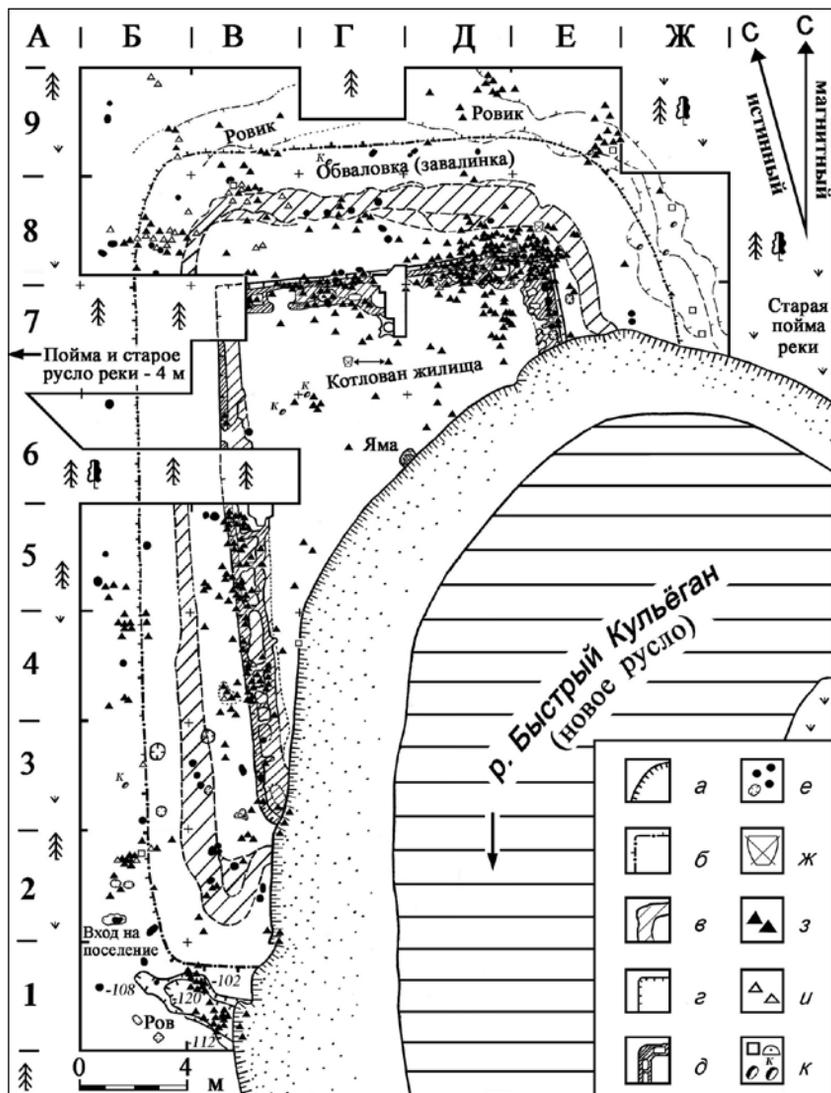
Общая конструкция укрепленных объектов и их защитных линий. Данные поселения по их топографической привязке, системе защиты и аналогии с городищами относятся к типам мысовых и береговых укреплений с замкнутыми напольными либо незамкнутыми напольными и поперечными рвами. Валы-обваловки жилищ первоначально были замкнутыми, но некоторые их части были утрачены вследствие эрозии склонов террас.

Изучение руин укреплений, а также их раскопанных участков позволило установить следующее. Общая архитектура объектов — деревоземляная. Сами постройки, несмотря на сходство их остатков в рельефе, разнотипные. Все варианты конструкций данных домов, а также элементов их защитных линий пока не установлены. Те, что нам известны, охарактеризованы ниже.

Ил. 10. Поселения (укрепленные жилища) Турсунт IV (А) и Быстрый Кульёган 73 (Б). Эпоха бронзы. Кондинская низменность, среднее течение Конды, р. Турсунт (А), Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган (Б). Эпоха бронзы (кульёганский тип) (Б). Планы памятников. Съёмка Е.М. Беспрозванного 1989 г. (А), В.А. Борзунова 1994 г. (Б).

Условные обозначения: а — деревья, лес; б — вырубка; в — заболоченная пойма; г — жилищная впадина; д — яма; е — древний естественный береговой вал; ж — ров; з — вал и обваловка стен укрепленного жилища; и — приподнятая площадка наземного жилища; к — шурф; л — грунтовая дорога

Ил. 11. Поселение (укреплённое жилище) Быстрый Кульёган 38. Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган. Эпоха бронзы (кульёганский тип). План раскопа 2000 г. Съёмки и раскопки В.А. Борзунова, А.А. Погодина.

Условные обозначения: а — обрыв и песчаная осыпь; б — внешняя граница «завалинки» (расплывшейся обваловки основания стен жилища); в — полоса углистой супеси (остатки основания сгоревших стен жилища); г — котлован жилища; д — остатки сгоревших деревянных наг; е — ямы и столбовые ямки; ж — раздавленный сосуд; з — орнаментированная керамика кульёганского типа; и — черепки без орнамента; к — каменные предметы и отщепы

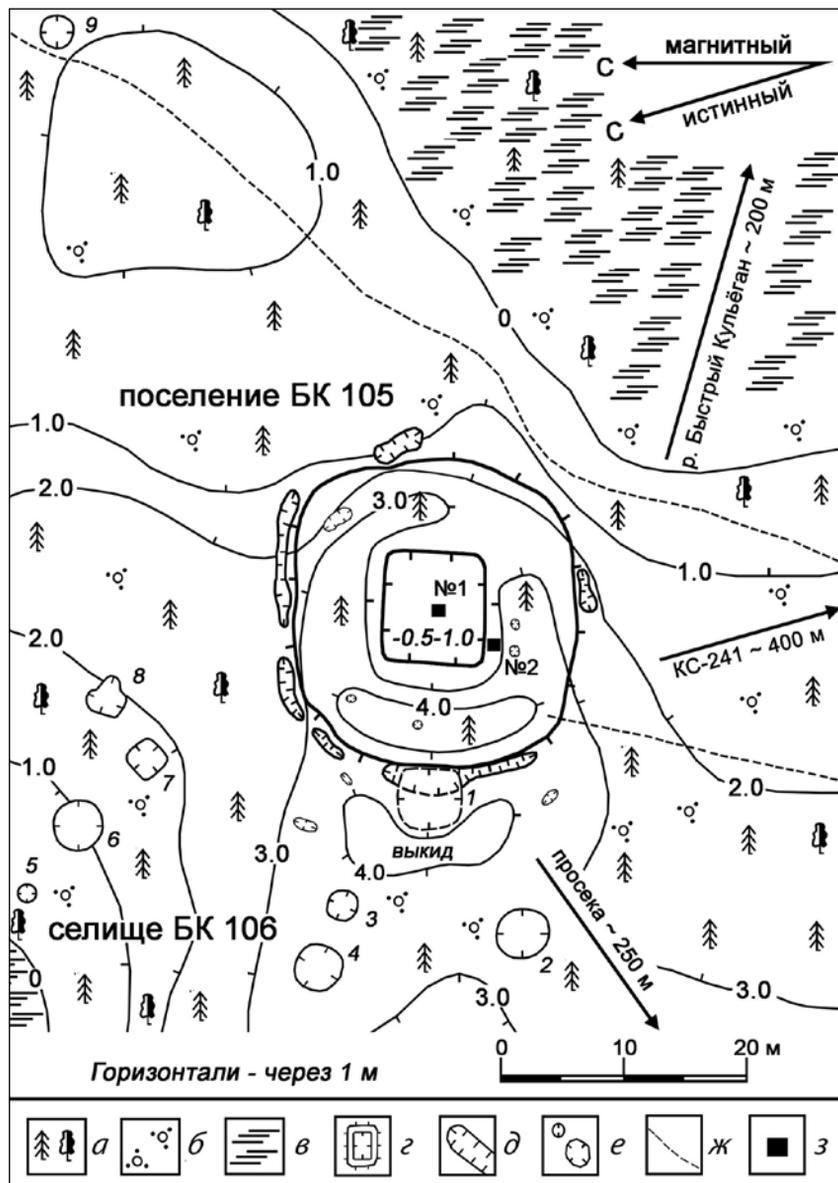
Это были довольно внушительные комбинированные каркасно-столбовые и бревенчатые с самонесущими стенами наземные или слабо углублённые строения, прямоугольного и подквадратного плана, в том числе со скруглёнными углами, укреплённые в основании песчаной обваловкой-завалинкой. Размеры домов без завалинки — 13–25х10–24 м, их площадь — 130–580 (в среднем — 308) кв. м. Наземная часть жилищ имела призматическую и усечённо-пирамидальную формы⁴⁵. Каркас сооружений состоял из опорных столбов, установленных в пределах углублённой части помещения, в том числе по её периметру. От них сохранились ямки, заполненные углистой супесью.

Стены у *первой группы домов* были наклонными, составленными из брёвен, опиравшихся верхними концами на края вышеупомянутого каркаса, а нижними — на грунт за пределами углублённой части жилища. В этом случае погребённая древняя почва, сохранившаяся под песчаными «валами», оставалась практически неповреждённой (Быстрый Кульёган 38, Волвонча I — верхний горизонт, Пашкин Бор I — оба горизонта, Щетнмато-Лор I, Моховая 8 и др.). По оси валов прослеживались углистые полосы от основания сгоревших стен либо наклонные столбовые ямки (ил. 5, 6, 11, 13, 16).

Вторая группа жилищ представлена объектом Барсова Гора II/22. Стены у него на исследованных участках были, скорее всего, вертикальными, «частокольной» и «заплотной» конструкции. На это указывают характерные канавки под северо-западным участком вала (ил. 14—Б) и глубокие ямы в основании его юго-восточного отрезка.

Нельзя также исключать *третий вариант дома*: с вертикальными самонесущими стенами, сложенными из горизонтально уложенных друг на друга брёвен, укреплённых столбами-коляями.

Основание стен жилища крепилось с обеих сторон песчаной подсыпкой. Снаружи дома она имела вид покрытой дёрном завалинки. Изнутри давление грунта завалинки уравнивалось песчаной основой нар. Иными словами, то, что мы ныне фиксируем в рельефе как «валы» вокруг жилищных впадин, в действительности является расплывшейся обваловкой жилых стен и частично — платформой деревоземляных нар. Песок для крепиды и нар брался как из внешнего рва, так и из жилого котлована, в момент их прокопки. Судя по объёму песка расплывшегося «вала», выс. завалинки была порядка 1,0–1,5 м, при такой же ширине. Наиболее мощная отмечена у объекта Барсова Гора II/22, где в насыпи прослеживались многочисленные углистые прослойки от сгоревших деревянных конструкций стен и нар (ил. 14—Б). Верхняя часть стен

Ил. 12. Поселение (укрепленное жилище) Быстрый Кульёган 105. Сургутское Приобье, р. Быстрый Кульёган. Эпоха бронзы (кульёганский тип). Съёмка В.А. Борзунова 2002 г.

Условные обозначения: а — деревья, лес; б — кусты; в — болото, заболоченная пойма; г — укрепленное жилище; д — ров, канава; е — ямка и жилищная впадина; ж — тропа; з — шурф

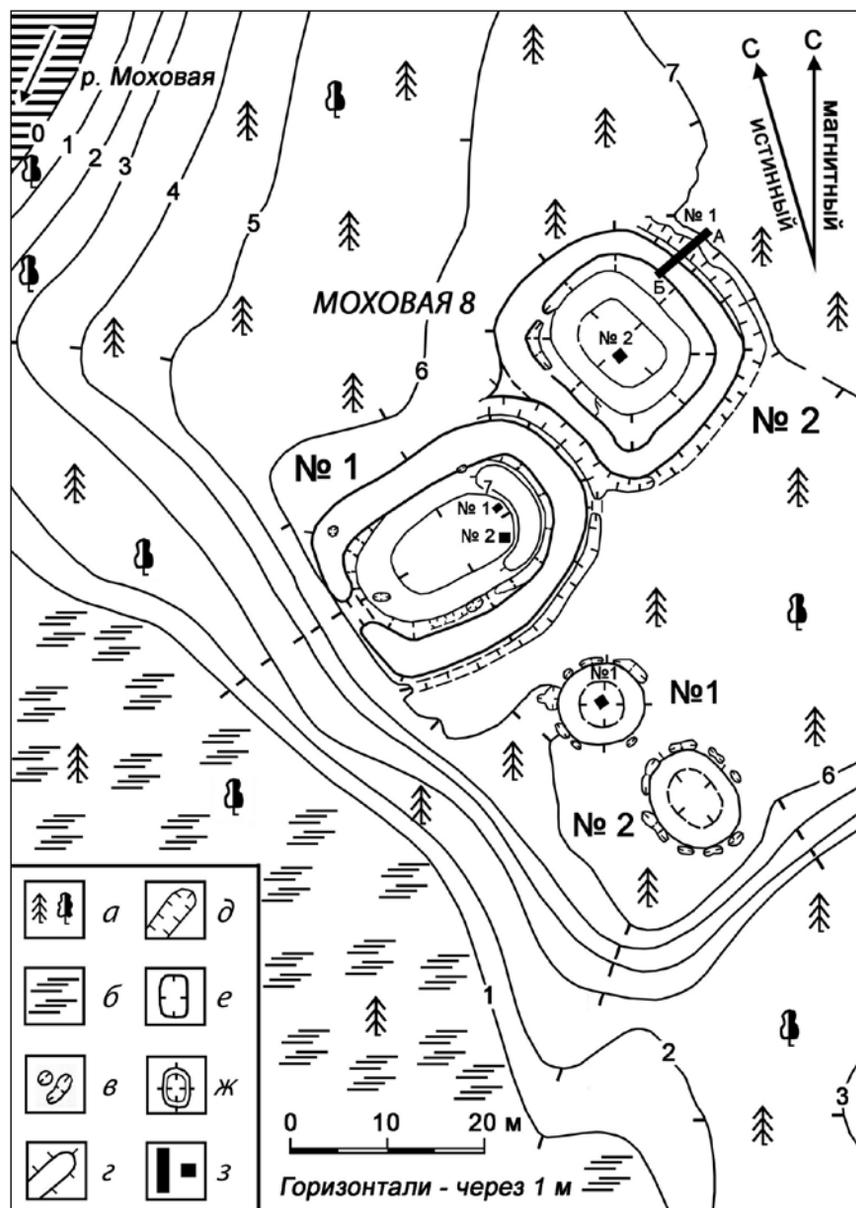

всех укрепленных жилищ эпохи бронзы, по всей видимости, возвышалась над обваловкой. При этом предполагаемая высота постройки от уровня древней поверхности могла достигать 1,5–2,0 м, а от дна котлована — 2,0–2,5 м. Этого было достаточно для поддержания тепла в доме, а при учёте наличия в нём углублённой части — для избежания задымления помещения и создания достаточной тяги для вывода наружу дыма от костров. В целом же такая конструкция укрепленных домов второго типа соответствовала тенденции постепенного — от неолита до начала железного века — «выхода на поверхность» древних жилищ таёжного Приобья⁴⁶.

Остатки перекрытия построек, как правило, не прослеживаются, а само оно реконструируется только на основании этнографических параллелей. Предполагается, что на опорных столбах дома покоилась система лаг, на которую плотно укладывались жерди перекрытия и поверх них помещались пласты «дёрна», точнее грунта с лесной подстилкой и мхом. Такая крыша могла быть двухскатной и четырёхскатной, с одним-двумя светодымовыми отверстиями, закрывавшимися на ночь специальными «крышками», сконструированными из коротких жердей и шивных берестяных полотнищ.

В полуподземных жилищах аборигенов Крайнего Севера Сибири конца Средневековья — начала Нового времени, зафиксированных русскими первопроходцами, а позднее исследованных этнографами и археологами, светодымовые отверстия в крышах над очагами использовались в качестве лазов в помещения⁴⁷. В больших наземных домах лесной зоны такие входы-лазы из-за угрозы обрушения жердевых перекрытий могли использоваться только в экстренных случаях. Скорее всего, в укрепленные жилища, равно как в большие неукрепленные дома-зимники, люди попадали через выступавшие наружу короткие крытые тамбуры, устроенные с торца или в углу постройки⁴⁸. Напротив этих мест рвы обычно прерывались.

Раскопанные рвы в профиле трапециевидные, с уплощенными днищами. Их песчаные стенки в жару могли легко осыпаться, а во время ливней — размываться. Скорее всего, такие углубления по краям были укреплены кусками «дёрна» или опалубкой из колотых плах, жердей и кольев, либо тем и другим. По размерам рвы также разнообразны. Среди них встречаются узкие и мелкие канавы (1,2–1,5х0,3–0,8 м), а также широкие и глубокие траншеи (2,0–6,0х1,0–1,5 м). Рвы укрепленных жилищ, как и всех первобытных укреплений Западной Сибири, полифункциональные. Наряду с задачей создания препятствия для неприятеля

Ил. 13. Поселение (укреплённое жилище) Моховая 8. Сургутское Приобье, р. Моховая. Эпоха бронзы. Съёмка и раскопки В.А. Борзунова 1994 г. Условные обозначения: а — деревья, лес; б — болото, заболоченная пойма; в — ямы, ямки; г — вал; д — ров; е — жилищная впадина; ж — наземное жилище с обваловкой; з — траншея, шурф

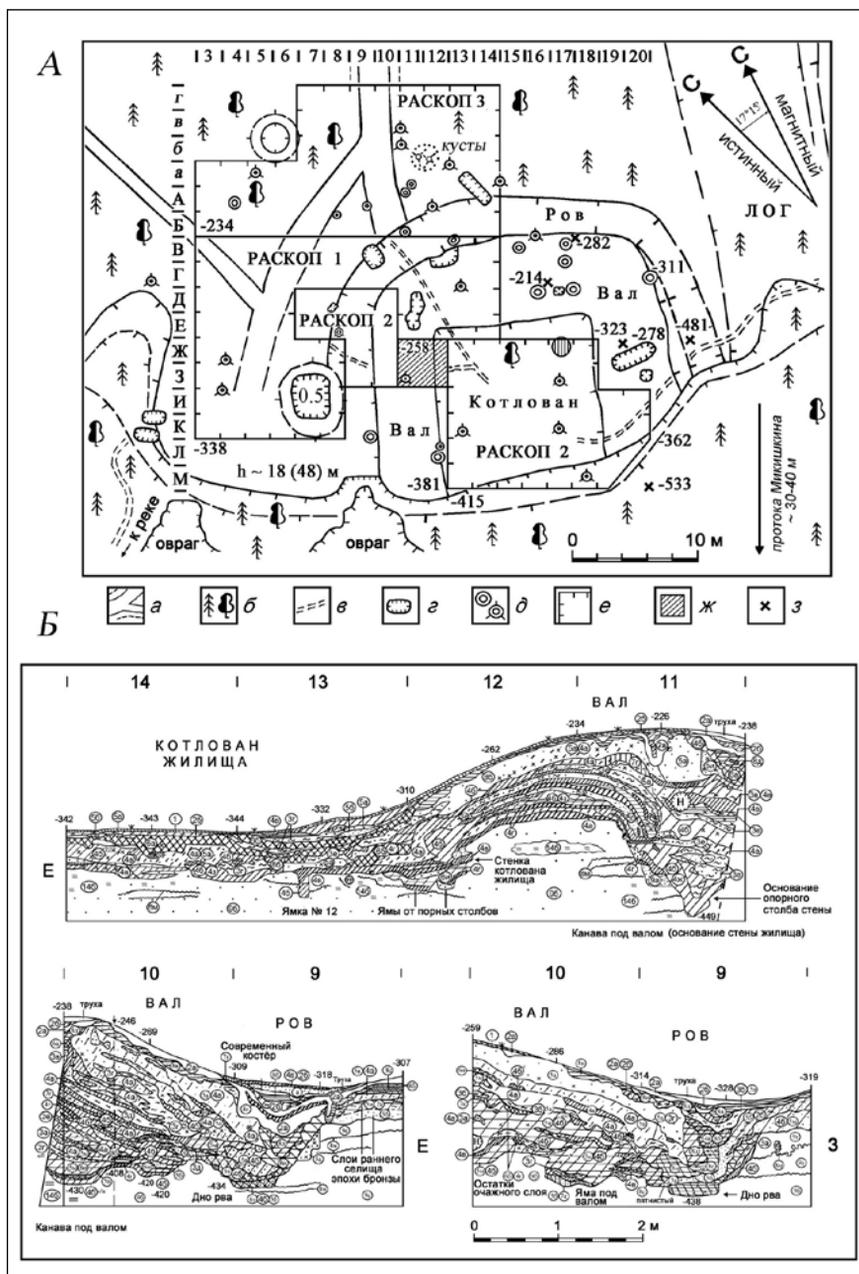

ля, часто не главной, они служили местами забора грунта для насыпки завалинки, а в повседневной жизни — дренажными, водоотводными и даже мусорными канавами. О последнем свидетельствуют обнаруженные в них обломки битой посуды и производственные остатки. Кстати, за пределами рвов археологические материалы крайне редки: все находки сосредоточены на самом поселении, в первую очередь, в углублённой части жилища — в очагах и вдоль нар. Через ров в дом люди проходили по специально оставленным грунтовым перемычкам, шириной ок. 1 м, а там, где их не было, возможно, по перекидным бревенчатым мосткам.

В пользу наличия *дополнительных защитных стен*, расположенных вокруг жилищ перед рвами, материалов пока немного, и последние, к сожалению, недостаточно убедительны. Такие стены могли существовать на месте внешних валов некоторых укреплений (Товгор-Лор VI, Быстрый Кульёган 40 и Быстрый Кульёган 73), однако подобные насыпи могли появиться просто при выкиде в напольную сторону грунта изо рва. Наличие заградительной линии — типа бревенчатой стены-*тургэ* горизонтальной кладки, опиравшейся на растущие или частично спиленные деревья, или ограды иной конструкции — предполагается вокруг поселения Быстрый Кульёган 38. Тем более что без неё жилище, расположенное на низком (2,5 м) мысу у самой воды, крайне уязвимо, а сооружение в основании выступа только рва вообще лишено смысла. Бесспорный факт: на поселении Моховая 8 каждая из двух построек занимала почти всю площадь узкого «двора», ограниченного оборонительной стеной. Остатками изгороди, точнее крепиды её основания, являются внешние замкнутые насыпи, окружённые рвами.

Следует также отметить, что в целях надёжной обороны и для исключения случаев гибели укреплённых жилищ от лесного пожара постройки должны были находиться на открытом пространстве и быть удалены от опушки леса, как минимум, на длину полёта стрелы.

Интерьеры жилищ. Фиксируемые на поверхности впадины собственно котлованами построек не являлись, и могут быть названы таковыми условно. Это только остатки углублённых частей помещений, занимавшие основную часть дома. Они правильного прямоугольного или почти квадратного плана, размерами от 6х9 до 18х20 м (54—360 кв. м). Стенки углублений вертикальные, песчаные, высотой 0,3—0,6 м, в древности, безусловно, обшивались деревом. Сгоревшая деревянная опалубка и остатки её крепёжных столбов (вертикальные ямки с углем) выявлены при раскопках укреплённого объекта Быстрый Кульёган 38 (ил. 11), а также больших жилищ Балинское 1 (ил. 7) и Балинское 53. Правда, некоторые

исследователи ошибочно принимают следы данной опалубки за нижние венцы стен самого жилища, которые они помещают в котлован⁴⁹.

Днища «котлованов» относительно ровные и горизонтальные. Вероятно, песчаные полы помещений, особенно в зимнее время, покрывались деревом.

Одним из основных элементов древних жилых западносибирских построек являлись «нары» — места отдыха, хранения утвари и других предметов. Они располагались по периметру котлована. Для укрепленных жилищ эпохи бронзы выявлено два основных их вида: дереvozемляные и деревянные. В качестве первых использовались края-заплечики «котлованов», дополненные песчаной подсыпкой и деревянным настилом. Это было относительно узкое (1,0—1,5 м) пространство между основанием стен и углубленной частью жилища (Барсова Гора II/22, Щетнмат-Лор I, Пашкин Бор I и др.). Сгоревшие остатки нар второго типа зафиксированы в жилище Быстрый Кульёган 38. Здесь нары были вплотную прижаты к опалубке стенки углубленной части помещения (ил. 11). Их основание было сооружено из двух ря-

Ил. 14. Поселение (укрепленное жилище и селище) Барсова Гора II/22. Сургутское Приобье, обская протока Микишкина. Эпоха бронзы (кульёганский тип). Раскопки В.А. Борзунова, Г.В. Бельтиковой 2007—2008 гг., Л.Л. Косинской 2008 г. Съёмка В.А. Борзунова. *А* — общий план памятника; *Б* — разрезы рва, вала и котлована жилища.

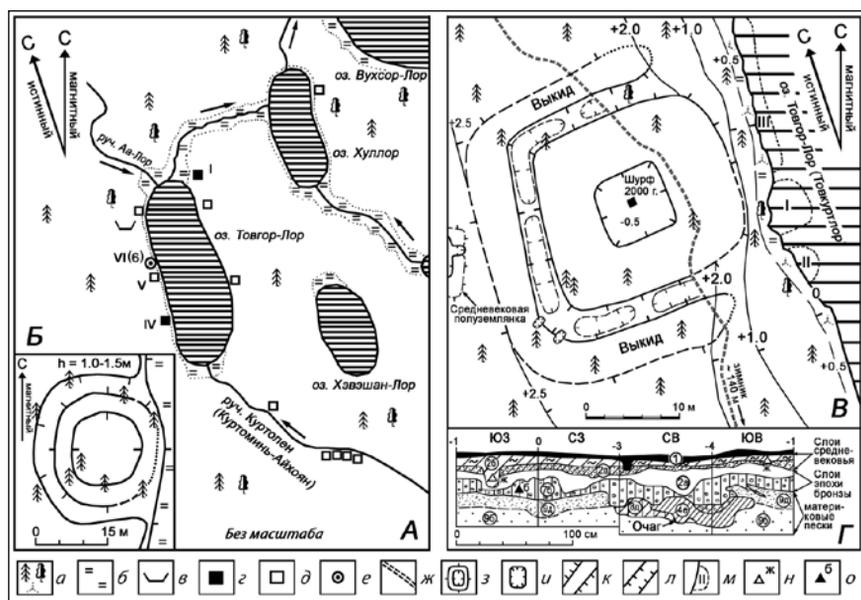
Номера слоёв: 1 — лесная подстилка и гумус; 2а — верхний серый подзол; 2б — верхний пепельно-серый и белый подзол; 3а — погребённый серый и тёмно-серый подзол; 3б — погребённый светло-серый и бело-серый подзол; 3в — погребённый жёлто-серый подзол; 3г — погребённый белый подзол; 3е — погребённый бело-зеленоватый подзол; 3д — погребённый светло-жёлтый и темно-жёлтый подзол; 4а — светло-серый и бело-серый углистый песок; 4б — серо-жёлтый и серый углистый песок; 4в — тёмно-серый углистый песок; 4г — чёрный углистый песок; 4ж — тёмно-серый с коричневым оттенком (кофейный) песок; 4з — буро-серый и серо-коричневый песок; 5а — переотложенный светло-жёлтый песок; 5б — переотложенный жёлтый и темно-жёлтый песок; 5и — кремво-жёлтый песок; 5м — кремвоый песок; 6а — коричневая с органикой супесь; 6б — тёмно-коричневая с органикой супесь; 6и — буро-коричневая с органикой супесь; 6м — кремвоый (светло-коричневый) песок; 7г — прокалённый оранжевый песок; 7к — слабо прокалённый жёлто-красноватый песок; 8б — коричнево-ржавый ортзанд; 8в — тёмно-жёлтый и оранжево-жёлтый ортзанд; 8д — буро-коричневый ортзанд; 8и — бурый ортзанд; 8м — тонкие прослойки коричнево-ржавого ортзанда; 8с — серо-бурый ортзанд; 9а — тёмно-жёлтый материковый песок; 9б — белый и светло-жёлтый материковый песок; 9е — бело-серый слоистый материковый песок; 14б — зелёный «илистый» материковый песок; а — серо-жёлтый песок (современный накид).

Условные обозначения: а — просека, дорога; б — лес; в — тропа; г — яма; д — сосна, пень; е — границы раскопов 2007—2008 гг.; ж — законсервированный участок; з — дополнительные точки нивелировки

дов брёвен, уложенных параллельно в два яруса, соединенных через определённые промежутки (0,5–2,0 м) перерубами. Верхняя часть нар, по-видимому, представляла собой настил из жердей или колотых плах, покрытых шкурами животных. Ширина нар — 1,0–1,5 м, высота — 0,4 м. Возможно, такие же нары были в жилищах Балинское 1 (ил. 7) и Балинское 53.

Центром «социального пространства» укрепленного жилища являлся очаг, расположенный обычно в середине помещения. Раскопанные очаги разнообразные:

Ил. 15. Поселение (укрепленное жилище) Товгор-Лор VI. Нижнее Приобье, бассейн р. Казыма, оз. Товгор-лор (Товкуртлор). Эпоха бронзы (нижний горизонт), Средневековье (верхний горизонт). Ситуационный план (А), план жилища (Б, В), профили стенок шурфа (Г). Съёмка В.М. Морозова 1986 г. (А, Б), В.А. Борзунова 2000 г. (В, Г).

Номера слоёв: 1 — лесная подстилка (мох, хвойный опад, гумус); 2а — светлый пепельно-серый подзол, оконтуренный ортзандом; 2б — чёрный подзол; 2в — бурый-серый подзол; 7е — розовато-жёлтый песок с охрой и ортзандом; 9б — белый материковый песок; 9д — бело-жёлтый (яично-жёлтый) материковый песок.

Условные обозначения: а — деревья, кусты; б — болото, заболоченная пойма; в — могильник эпохи бронзы Товкуртлор 3; г — городище раннего железного века; д — городище эпохи Средневековья; е — укрепленное жилище; ж — тропа; з — укрепленное жилище; и — жилища впадина; к — вал, обваловка; л — ров; м — участки сбора керамики на дне озера; н — средневековая керамика; о — керамика эпохи бронзы

- небольшой слабо углублённый, диаметром ок. 1 м, ооконтуренный дуго-видной канавкой (Волвонча I — поздний горизонт) (ил. 5);
- в виде обшитой деревом прямоугольной ямы размерами 3,0x2,0 м, глубиной 0,3 м (Пашкин Бор I) (ил. 6);
- открытого типа и подтрапцевидного плана (1,3x0,6x0,8 м), расположенный на материковом останце (1,8x1,4x0,1 м), укрепленном деревянной опалубкой (Щетнмато-Лор I) (ил. 16).

В центре жилища Барсова Гора II/22 очага не было, но практически всю южную часть его помещения занимал обширный (6,0—6,4x4,0x0,4—0,6 м) очажный слой с двумя горизонтами⁵⁰. Последний мог сформироваться в процессе расширения и слияния нескольких костров. Все очаги служили для освещения и обогрева помещения, а также, судя по находкам в них и вокруг них (керамика, кальцинированные кости рыб и мелких животных, обломки глиняных грузил, каменных орудий и других вещей), — для приготовления пищи и производственных нужд.

С хозяйственной и производственной деятельностью также связаны выкопанные в материковых песках овальные, круглые и подпрямоугольные ямы, располагавшиеся у очагов и нар, в том числе укрепленные деревом.

Вероятно, помещения больших домов делились перегородками на отсеки, а к опорным столбам крепились «вешала» для просушивания одежды и хранения некоторых продуктов питания. Между тем археологических свидетельств их существования, как и других деталей интерьера, пока нет.

Находки. Основную часть археологических материалов, найденных в укрепленных жилищах, составляют обломки керамической посуды, другие предметы малочисленны. Между тем в совокупности они образуют довольно представительные серии разнообразных вещей из камня (молотки, наковальни, гальки-отбойники, абразивы-шлифовальники, лезвия шлифованных топоров-тёсел, ножевидные пластины — части вкладышевых орудий, ножи по дереву и кости, скребки для обработки шкур животных, сверло, резец, долотовидное орудие, ретушёр, отщепы с ретушью, шлифованные и кремневые наконечники стрел, подвеска-лунница и др.), глины (грузила для сетей, керамические шпатели и скребки), лимонита (шлифованный стержень), а также отходы камнеобработки. Костяные изделия (проколки, тёсла-лопатки, нож, обломок рога с нарезками) редки, деревянные предметы не сохранились.

Об использовании жителями укрепленных жилищ и синхронных селищ медных и бронзовых вещей, а также о собственном литейном

и металлообрабатывающем производстве, часто очень скромном (особенно в Надым-Пуровском междуречье, Сургутском и Нижнем Приобье), основанном на привозном сырьё (в виде лома и слитков), свидетельствуют эпизодические находки:

- каменных и глиняных литейных форм для отливки кельтов, копий, шилев, стержневидных орудий;
- глиняных сердечников, сопел, тиглей, льячек;
- самих изделий из меди и бронзы (обломок ножа, лунница);
- каменных оселков для заточки металлических предметов;
- шлаков, ошлакованных черепков;
- обрезков бронзовых изделий, капель, стержней и слитков цветного металла.

Такие находки были сделаны на памятниках: Волвонча I — поздний горизонт, Пашкин Бор I, Барсова Гора II/22, Щетнмато-Лор I, Геологическое III, Геологическое XVI, Барсова Гора II/8в, Барсова Гора II/19б, Чернореченское I, Савкинская Речка 1, Нёх-Урий 5.2, Балинское 53. При этом речь идёт об орудиях, отлитых как в односторонних, так и двухсторонних формах⁵¹.

Результаты анализов остеологических остатков, выполненных канд. биол. наук П.А. Косинцевым (Ин-т экологии растений и животных УрО РАН), свидетельствуют о рыболовстве и охоте как основных занятиях населения укрепленных жилищ эпохи бронзы: определены кости лося, северного оленя, медведя, бобра, куницы или соболя, белки, возможно, лисицы, а также «друга человека» — собаки; из ихтиофауны — остатки щуки. Для сравнения: в большом неукрепленном зимнем жилище Балинское I найдены кости северного оленя, бобра, зайца, белки, россомахи, лисицы, соболя, горноста, а также щуки, карповых, окуня, единично — осетровых⁵².

Основные итоги анализа

Мы неоднократно и детально рассматривали проблемы, связанные с генезисом, распространением, назначением, историческими судьбами и другими аспектами характеристики укрепленных западносибирских

Ил. 16. Поселение (укрепленное жилище) Щетнмато-Лор I. Междуречье Надыма и Пура, оз. Щетнмато-лор. Эпоха бронзы (кульганский тип). Раскопки Л.Л. Косинской 1996 г.: А — план раскопа; Б — разрез жилища и рва; В — реконструкция жилища Л.Л. Косинской.

Условные обозначения: а — столбовая ямка; б — отщепы; в — керамика с орнаментом и без орнамента; г — каменные предметы, камни, расколотые гальки; д — кости животных; е — угли, обугленное дерево; ж — подзол; з — переотложенный песок; и — погребенный подзол; к — культурный слой; л — очажный слой; м — материковый песок

жилищ⁵³. В этой связи будет логично изложить только некоторые результаты этого анализа.

Распространение укрепленных поселений на севере Западной Сибири происходило «волнообразно». Периоды их активного строительства, связанные с очередным переделом среди местных и пришлых общин наиболее богатых охотничьих и рыболовных угодий, сменялись относительно мирными временами. Один из этапов, характеризующихся резкой военизацией обстановки в западносибирской тайге, пришёлся на начало и середину местного бронзового века (перв. пол. II тыс. до н. э.). Формально он отчасти совпал с первым массовым распространением укрепленных поселений в евразийских степях (кон. III — сер. II тыс. до н. э.).

Городища в таёжном Приобье, бытовавшие здесь в неолите и энеолите, в начале эпохи бронзы исчезли и вновь появились только в конце бронзового — начале железного веков. Причём преемственности между ранними и поздними городищами не наблюдается. Вместо них в начале эпохи бронзы на севере Западной Сибири получили широкое распространение специфические первобытные «крепости» — большие укрепленные жилища второго типа, огражденные рвами, а иногда — дополнительными защитными линиями. Генезис их не был связан с развитием и даже опосредованным влиянием оборонной архитектуры обществ земледельцев и скотоводов центра и юга Евразии. Такие деревоземляные жилища резко отличались от более мощных каменных и глинобитных домов-крепостей (башенных оборонных жилищ), возводившихся на более южных территориях Старого Света, начиная с каменного века⁵⁴. Строителями и «архитекторами» таёжных укрепленных жилищ являлись охотники—рыболовы—собиратели, не знакомые с производящей экономикой. Образ такого объекта формировался в тайге постепенно, на протяжении неолита и энеолита. В конечном итоге данный тип посёлка, сочетавший элементы естественной и искусственной защиты, стал предшественником более совершенных многокамерных средневековых укрепленных городков — резиденций местной военнопотестарной и феодальной элиты. В начале эпохи бронзы это были мощные круглогодичные постройки, укрепленные центры общинных территорий, а также места постоянной хозяйственно-производственной деятельности их обитателей. В отличие от более ранних городищ и синхронных селищ эпохи бронзы, население которых проживало малыми семьями в обычных жилищах — землянках и полуземлянках, — такие укрепления вмещали объединённую «в один кулак» большесемейную

общину численностью от двух до четырёх десятков человек, способную эффективно контролировать территорию всего своего рода, а также успешно отражать атаки враждебного окружения.

Относительно обстоятельств и предпосылок распространения укрепленных жилищ второго типа на севере Западной Сибири, равно как и становления здесь собственной цветной металлообработки, пока нет единства. С.Ф. Кокшаров относит интересующие нас памятники (Большая Умытья 28, Пашкин Бор I, Волвонча I — поздний горизонт, Ендырское VIII — мастерская, Барсова Гора II/22, Быстрый Кульёган 38 и др.) ко второй фазе досейминского периода (перв. треть II тыс. до н. э.). При этом становление собственного очага металлообработки на Кондинской низменности в досейминское время, появление металлических предметов, отлитых в односторонних и затем — двухсторонних формах, а также новые веяния в керамическом производстве исследователь объясняет тесными связями, сложившимися ещё с энеолита между аборигенами Урала и Западной Сибири, а также контактами нижнекондинских популяций с населением Урала, Прикамья, Прииртышья и Нижнего Притоболья. Сырьё для производства изделий из цветного металла на Конду могло поступать, по его мнению, с Южного и Среднего Урала, Прикамья и, возможно, Алтая или из Центрального Казахстана. Вместе с тем морфологические и декоративные особенности кондинской продукции, по представлениям С.Ф. Кокшарова, не дают оснований для отнесения её к сейминско-турбинским и сумусьско-кижировским сериям металла. «Молниеносный переход к втульчатому литью» учёный связывает не с мигрирующими металлургами и литейщиками, а со знакомством местного населения с обработкой цветного металла в предшествующее время⁵⁵. О.Н. Корочкова и В.И. Стефанов, наоборот, начало становление литейного производства и металлообработки, а также распространение укрепленных жилищ в западно-сибирской тайге связывают именно с сейминско-турбинским транскультурным феноменом⁵⁶. То есть со стремительным продвижением части групп металлургов-скотоводов Алтая через западносибирскую лесостепь, южную и среднюю тайгу на Урал и в Приуралье. При этом второй «компонент» в среде сейминско-турбинских коллективов включал выходцев из охотничье-рыболовческих групп, обитавших к северу от Саяно-Алтайской горной системы на обширных пространствах от Байкала до Енисея⁵⁷. В качестве вероятных носителей сейминско-турбинских традиций, мигрировавших на запад и северо-запад Сибири, называются некоторые племена елунинской культуры, обитавшие

в Верхнем Приобье, потомки этих переселенцев — прииртышские скотоводческие общины кротовской культуры, а также гетерогенные кротовско-степановские группы, включавшие выходцев из аборигенной среды южно-таёжного Прииртышья⁵⁸.

Из двух представленных версий мне более импонирует вторая. Между тем при оценке раннего этапа генезиса меднолитейного производства в западных областях таёжного Приобья, а также источников поступления цветного лома и металла всё же не следует сбрасывать со счетов традиционные связи населения данного региона с обществами Притоболья, Южного Урала, Зауралья и Приуралья, о которых пишет С.Ф. Кокшаров⁵⁹. В то же время мне непонятна логика отнесения данным исследователем кульёганских и позднеполымьятских памятников к досейминскому хронологическому горизонту. Дело в том, что к сейминскому периоду он причисляет памятники не с полымьятской, а с варпаульской посудой, которую по форме и орнаменту считает сходной со среднеиртышской черноозерской — более поздней, чем кротовская, тогда как последнюю — на основании внешнего сходства — он синхронизирует с позднеполымьятской и кульёганской⁶⁰. Вместе с тем обладателями и трансляторами сейминско-турбинских бронз были не только группы, оставившие на Конде и Казыме сейминско-турбинские могильники Сатыга VI и Товкуртлор 3, а в Зауралье — культовый комплекс Шайтанское Озеро II, но и более ранние племена кротовской культуры Среднего Прииртышья и Нижнего Приишимья.

Что же касается бревенчато-земляных укрепленных жилищ, то они, бесспорно, являются местным «ноу-хау», появившимся без инокультурного влияния. Такие объекты начали формироваться в западносибирской тайге задолго до проникновения сюда осколков скотоводческих обществ из евразийских степей. Резкая военизация жизни в тайге и массовое распространение таких укреплений были связаны с новым этапом освоения глубинных пространств Западной Сибири, с локальными миграциями и, вероятно, имевшим место в это время демографическим взрывом. Изначально всё это было предопределено глобальными климатическими изменениями (очередной ксеротерм), произошедшими в северном полушарии в кон. III — нач. II тыс. до н. э. Это же позволило «вывести на поверхность» дома таёжных охотников-рыболовов: землянки неолита и полуземлянки энеолита постепенно были заменены наземными домами с неглубокими внутренними котлованами. Не последнюю роль в развитии домостроительства и оборонного зодчества в тайге могло сыграть распространение здесь металлических рубящих

орудий (плоские тѣсла, небольшие кельты без граней жѣсткости), хотя пока ещё очень редких здесь из-за острого дефицита меди и олова. Возможно, ситуация с металлическим сырьём в тайге начала постепенно меняться с установлением многоступенчатых связей с племенами, контролировавшими горнорудные источники Алтая.

Таёжные поселения, в том числе укрепленные, с керамикой полымьятского, кульгѣганского, балинского и иных синхронных типов укладываются во временной интервал между памятниками энеолита (волончинскими, барсовогорскими — стадий 2—4, типа поселений Амня IА, Амня II, Каксинская Гора 3 и др.) и конца средней бронзы (варпаульскими и прочими), а также следующими за ними позднебронзовыми лозьвинскими, атлымскими, барсовскими, лучкинскими, вагильскими. Для четырёх кульгѣганских и одного балинского памятника получены калиброванные радиоуглеродные даты:

— укрепленное жилище Барсова Гора II/22 — 4620 ± 100 , 3780 ± 120 л.н. (ЛЕ—8554, 8553);

— поселение Барсова Гора II/19б — 3610 ± 190 , 3590 ± 100 л.н. (ЛЕ—8591, 8545);

— поселение Чернореченское I — 3760 ± 20 , 3830 ± 40 , 4500 ± 70 л.н. (ЛЕ—5333, 5334, 5339);

— поселение Савкинская Речка 1 — 3930 ± 35 , 3875 ± 45 , 3985 ± 60 , 4050 ± 60 , 3960 ± 80 , 3890 ± 45 л.н. (СОАН—8327—8332);

— жилище Балинское 1 — 3920 ± 70 л.н. (ЛУ—5133)⁶¹.

Согласно радиоуглеродным анализам, время распространения укрепленных жилищ начала — середины эпохи бронзы приходится на кон. III — перв. треть II тыс. до н. э., по традиционной хронологии — на перв. треть — сер. II тыс. до н. э. Вслед за этим все укрепленные поселения на севере Западной Сибири исчезают на два-три столетия — до распространения лозьвинской, атлымской, барсовской и других позднебронзовых культур кон. II тыс. до н. э. — VIII/VII вв. до н. э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири и Зауралья // Рос. археология. — М.: Наука, 2013. — № 4. — С. 20, 25.

² Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Т. 1: Поселения и жилища. Кн. I. — С. 207—210, 213—214. Рис. 11 — I, 4; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества севера Евразии: проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 170—238; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения и их прототипы таёжного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. —

№ 4 (19). — С. 4—16; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 20—34.

³ Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М.: Наука, 1981. — С. 22.

⁴ Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Мат-лы к атласу. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — 2-е изд. — С. 21; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2009. — С. 14, 22—23; 29—33, 47, 53—61, 81 и сл.; Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 27; Васильев Е.А., Глызин И.П. Ясунская энеолитическая культура севера Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. — Томск: Аграф-Пресс, 2010. — С. 121—124.

⁵ Васильев Е.А. Древности Конды: субъективные заметки (Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во НПМП «Волот», 2009) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 516.

⁶ Бессмертных А.Н., Карачаров К.Г. Экспертные работы в Нижневартовском и Сургутском районах Тюменской области // Археологические открытия 1995 года. — М.: Наука, 1996. — С. 314—315; Карачаров К.Г. Археологические исследования на р. Агане // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 469; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. — Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «Графо». — С. 46—47; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 3.

⁷ Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Отчёт о НИР: Археологическое обследование Кечимовского, Нонг-ёганского, Северо-Покачёвского и Покачёвского месторождений нефти в Сургутском и Нижневартовском районах ХМАО в 2004 году. — Нефтеюганск, 2005. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. 1. — Д. 169. — С. 28—33. Рис. 27.

⁸ Карачаров К.Г. Археологические исследования на р. Агане... — С. 469; Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели... — С. 46—47; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества ... — С. 181—183; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 25. Рис. 1.

⁹ Карачаров К.Г. Отчёт об археологической разведке в южной части Нефтеюганского района в 1991 году: В 2 т. — Екатеринбург, 1992. — Архив ИА РАН. — Ф. Р—1. — № 16094, 16095; Карачаров К.Г. Отчёт о НИР: Археологическое обследование объектов обустройства месторождений ОАО «Юганскнефтегаз» в Нефтеюганском и Сургутском районах Ханты-Мансийского автономного округа, 1999 г. — Екатеринбург, 2000. — Архив ООО «НПО «Северная археология — 1». — Ф. 1. — Д. 41.

¹⁰ Стефанова Н.К. Исследования в Кондинском районе // Археологические открытия 1979 года. — М.: Наука, 1980. — С. 235; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века на р. Конде // Сов. археология. — М.: Изд-во АН СССР, 1988. — № 3. — С. 161—174; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 211—212; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // Рос. археология. — М.: Наука, 1999. — № 4. — Рис. 6.

¹¹ Данилов Е.А. Отчёт о НИР: Археолого-топографические исследования в 2011 году на Покачевском месторождении нефти, разрабатываемом ТПП «Покачёвнефтегаз»

в Нижневартовском районе ХМАО — Югры. — Нефтеюганск, 2011. — Архив НПО «Северная археология-1». — Ф. 1. Д. 330. С. 30—31, 36. Рис. 4, 31—35.

¹² Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях в Советском районе Тюменской области в 1990 г. — Свердловск, 1991. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. Д. 487. С. 31—32. Рис. 70; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — Карта 1—28.

¹³ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 3.

¹⁴ Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 143—169; Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 43—44; Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 93—111; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 207—208. Рис. 11 — I; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 181—183. Ил. 3; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 2.

¹⁵ Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105.

¹⁶ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 56; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века... — С. 161—174; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105, 234. Рис. 54, 102 — 21.

¹⁷ Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 211; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 16—17. Рис. 6.

¹⁸ Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 234.

¹⁹ Данилов Е.А. Отчёт о НИР... — С. 30—31, 36. Рис. 4, 31—35.

²⁰ Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях... — С. 31—32. Рис. 70.

²¹ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I... — С. 55—63; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105—111. Рис. 55—58, 59 — 5, 6; Кокшаров С.Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Екатеринбург, 2014. — С. 13, 24—25.

²² Карачаров К.Г., Носкова Л.В. Отчёт о НИР... — Ф. 1. Д. 169. С. 33. Рис. 45—47.

²³ Данилов Е.А. Отчёт о НИР... — Рис. 59 — I, 2.

²⁴ Кокшаров С.Ф. Отчёт об археологических исследованиях... — С. 32. Рис. 72 — I—3.

²⁵ Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1970. — С. 21—22; Викторов В.П., Борзунов В.А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 19—23; Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1974. — Вып. 15. — С. 17—19; Петров А.И. Работы в таёжном Прииртышье // Археологические открытия 1977 года. — М.: Наука, 1978. —

С. 269; Петров А.И. Разведочные работы в лесном Прииртышье // Археологические открытия 1978 года. — М.: Наука, 1979. — С. 262—263; Потёмкина Т.М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол // КСИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1976. — Вып. 147. — С. 97—106; Потёмкина Т.М. О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. — М.: Изд-во АН СССР, 1982. — Вып. 169. — С. 44—53; Потёмкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. — М.: Наука, 1985. — С. 76—103; Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье IV — поселение кротовской культуры // Археологические исследования севера Евразии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1982. — С. 62—63; Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск: Наука, СО, 1985. — С. 54—62; Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск: Наука, СО, 1985. — С. 54—62; Стефанова Н.К. О керамике кротовской культуры в Среднем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. — С. 38—47; Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 53—75; Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор—I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — С. 63—76; Труфанов А.Я. Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. областной науч. конф. «Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье». — Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1987. — С. 127—130; Труфанов А.Я. Отчёт об археологических работах Среднеиртышской археологической экспедиции Омского госуниверситета в Саргатском районе Омской области в 1987 г. — Омск, 1988. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. Д. 437, 437а; Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 72—73, 79—72; Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — С. 67—111. — С. 67—87; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 217—219; Ткачёва Н.А. Миграции андроновско-канайского населения Верхнего Прииртышья и проблема сложения фёдоровской культуры Зауралья // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. — Челябинск: Рифей, 1999. — С. 106; Стефанов В.И., Стефанова Н.К. К вопросу о связях населения Зауралья и Среднего Прииртышья в доандроновский период // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — № 3. — С. 15—22.

²⁶ Стефанова Н.К. Новый памятник кротовской культуры... — С. 54—56. Рис. 1; Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 218—219. Рис. 11 — е.

²⁷ Ковалева В.Т. Ташковская культура раннего бронзового века Нижнего Притоболья // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. — С. 29—47; Ковалева В.Т., Рыжкова О.В. Поселения с кольцевой планировкой в Нижнем Притоболье (ташковская культура) // Комплексные общества Центральной Азии в III—I тыс. до н. э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. — Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 1999. —

С. 216–219; Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. — 160 с.

²⁸ Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 167, 215–217.

²⁹ Готлиб А.И. Сооружение-све эпохи ранней бронзы на горе Устанах (к вопросу о возникновении и интерпретации памятников-све в Хакасии) // Проблемы изучения окупёвской культуры. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 1995. — С. 29–32; Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения окупёвской эпохи в Хакасии // Окупёвский сборник: Культура. Искусство. Антропология. — СПб.: Петро—РИФ, 1997. — С. 134–151; Готлиб А.И. Исследование горного сооружения («све») Чебаки на севере Хакасии // Археологические открытия 1996 года. — М.: Наука, 1997. — С. 312–314; Готлиб А.И. Горные архитектурно-фортификационные сооружения Евразии (историко-культурный аспект) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. — Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркутского гос. технического ун-та, 2007. — С. 47–51; Готлиб А.И. Жилые комплексы в горных сооружениях-«све» эпохи бронзы в Хакасии // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. — М.: Изд-во ИА РАН, 2008. — Т. I. — С. 390–392; Арбузов А.С. Горно-фортификационные сооружения све Хакасии (сравнительная характеристика) // Традиционные культуры и общества Северной Евразии (с древнейших времен до современности). — Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 2004. — С. 141–143.

³⁰ Щетенко А.Я. Раскопки средневекового городища Бажын-Алаак // Древние культуры евразийских степей. — Л., 1983. — С. 46; Худяков Ю.С. Фортификация в Центральной Азии: Препринт. — Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1994. — С. 6, 16; Худяков Ю.С. Древние и средневековые фортификационные сооружения в Южной Сибири и Центральной Азии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. — Кемерово: Изд-во Кемеровского гос. ун-та, 1995. — С. 62; Худяков Ю.С. Из истории фортификации в Западной и Южной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. — Екатеринбург: НППМ «Волот», 1995. — С. 25.

³¹ Согласно общей периодизации эпохи бронзы Евразии, предложенной Е.Н. Черныхом, это в основном совпадает с концом среднего и началом позднего бронзового века на всём Евразийском континенте: кон. III — нач. II тыс. до н. э.

³² Борзунов В.А. Укрепленные жилища Зауралья и Западной Сибири // Великий подвиг народа: Тез. докл. — Екатеринбург: НППМ «Волот», 1995. — С. 19–24; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ ... — С. 5–23.

³³ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — Рис. 2, 3, 5.

³⁴ Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ ... — С. 5–23; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 190–198, 205–206. Ил. 5; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 25, 29. Рис. 7.

³⁵ Данные объекты Балинского урочища расположены практически на стыке Нижнего Прииртышья, Сургутского Приобья и Нижнего Приобья. Керамика их своеобразна, но в целом близка посуде памятников полымьятского и кульгёганского типов эпохи бронзы. М.Ю. Баранов и С.Ю. Чарусова относят данные поселения к полымьятским, С.Ф. Кокшаров — к кульгёганским, но В.И. Стефанов и автор данной статьи отмечают отличие декора посуды Балинского I жилища от орнаментики известных кульгёганских памятников.

³⁶ Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по

материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России: Сб. науч. тр. (Мат-лы ВАС). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. — Т. I. — С. 343—346; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений Балинское 53, Балинское 54 и Балинское 56 на Приобском месторождении нефти в ХМАО — Югре в 2012 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 130—134. Ил. 1, 2.

³⁷ Разведки и раскопки Е.М. Беспрозванного, А.Н. Бессмертных, В.А. Борзунова, Д.В. Бочкарёва, К.В. Горновского, С.А. Гусева, А.П. Зыкова, В.М. Каноркина, К.Г. Карачарова, О.Е. Козеко, С.Ф. Кокшарова, А.Н. Кондрашёва, Л.Л. Косинская, А.В. Малышкина, В.М. Морозова, С.А. Мызникова, А.А. Погодина, А.С. Сергеева, В.И. Стефанова, Н.К. Стефановой, Л.П. Хлобыстина, А.Е. Цеменкова, С.Е. Чаиркина, Н.В. Шатунова, А.Ф. Шорина и др.

³⁸ Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волвонча I... — С. 55—63; Борзунов В.А. Укрепленные жилища... — С. 20—22. Рис. 1; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 5—23; Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века... — С. 161—174; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур (итоги исследований 1990—1998 гг.) // Научный вестник. — Салехард: Изд-во Администрации ЯНАО, 2000. — Вып. 3. — С. 14—18. Рис. 1—4; Зыков А.П. Раскопки комплекса памятников в большой излучине реки Ендырь // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 405—407; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 3. — С. 114—134; Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Изучение комплекса памятников Большая Учинья 28 в Советском районе ХМАО // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 329—330; Кокшаров С.Ф. Археологические раскопки в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа // Археологические открытия 2003 года. — М.: Наука, 2004. — С. 419; Кокшаров С.Ф. Раскопки поселения — могильника Большая Умытья 28 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 124—127; Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита севера... — С. 105—111; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22 в окрестностях Сургута (итоги работ 2007—2008 гг.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 184—220; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульёган 38 — укрепленное жилище эпохи бронзы Сургутского Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. — № 2 (46). — С. 55—69; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы Быстрый Кульёган 38 в Сургутском Приобье (итоги работ 2000 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 255—310.

³⁹ Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990. — Т. I. — С. 150, 224—225.

⁴⁰ Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульёганского типа селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. — Вып. 8. — С. 231—232.

⁴¹ Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 217.

⁴² Морозов В.М. Отчёт об исследовании памятников археологии р. Казым в Белоярском районе. 1991 г. — Свердловск, 1992. — Архив ИА РАН. Р-1. № 16096. — С. 5. Рис. 2; Мызников С.А. Отчёт об археологических разведках на оз. Товгор-лор в Белоярском р-не Тюменской обл. и в окрестностях г. Верхотурье в Свердловской обл. в 2000 г. — Екатеринбург, 2001. — Архив ПНИАЛ ЦАИ ИГНИ УрФУ. — Ф. II. — Д. 608. — Рис. 2.

⁴³ Стефанов В.И., Борзунов В.А., Корочкова О.Н., Морозов В.М., Погодин А.А. Работы Казымской экспедиции // Археологические открытия 2000 года. — М.: Наука, 2001. — С. 253—255; Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Рос. археология. — М.: Наука, 2006. — № 1. — С. 44—58; Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири: Кол. монография. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. — С. 5, 73, 81—82, 85. Рис. 5.1.2; 5.8—5.10).

⁴⁴ Стефанов В.И. Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Рос. археология. — М.: Наука, 2006. — № 1. — 44—56; Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI в системе культур эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири // Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таёжной зоне Западной Сибири: Кол. монография. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2011. — С. 73.

⁴⁵ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Т. 1: Поселения и жилища. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1994. — Кн. II. — С. 32—35.

⁴⁶ Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения и их прототипы... — С. 8.

⁴⁷ Например: Кардаш О.В. Археологические исследования Института археологии Севера в Арктике: памятники, открытия, научная проблематика // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: Мат-лы Всерос. науч. конф. (Сургут, 1—4 октября 20-13 г.). — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2013. — С. 15.

⁴⁸ Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур... — С. 16—17; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 193; Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — С. 343; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — С. 132.

⁴⁹ Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — Рис. 1; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — Ил. 1, 2.

⁵⁰ Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — Ил. 5.

⁵¹ Стефанова Н.К., Кокшаров С.Ф. Поселение бронзового века... — С. 161—172; Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К. Поселение Волонча I... — С. 65—66; Косинская Л.Л. Чернореченское I — поселение эпохи бронзы в г. Сургуте // Археология Западной Сибири. — Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 1998. — С. 100; Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур... — С. 15—18; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 196; Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульёганского типа... — С. 231—232; Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаёжного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. — Вып. 3 (18). — С. 63—65; Стефанов В.И., Данилова Е.Н. Кульёганские древности Среднего Агана // Ханты-Мансийский авто-

номный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2013. — Вып. 11. — С. 92—96; Баранов М.Ю., Чарусова И.С. Работы по сохранению поселений... — С. 134; Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. — № 4 (19). — С. 28—29; Кокшаров С.Ф. Культура населения... — С. 13—17.

⁵² Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — С. 345.

⁵³ Борзунов В.А. Укрепленные жилища... — С. 19—24; Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ... — С. 5—23; Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества... — С. 170—238; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения и их прототипы... — С. 4—16; Борзунов В.А. Неолитические укрепленные поселения Западной Сибири... — С. 20—34; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 184—220; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Быстрый Кульеган 38... — С. 55—69; Борзунов В.А., Стефанов В.И., Глушков И.Г. Раскопки укрепленного жилища эпохи бронзы... — С. 255—310.

⁵⁴ Джандиери М.И. Древнее башенное оборонное жилище // Вестник древней истории. — М.: Наука, 1981. — № 2. — С. 118—155.

⁵⁵ Кокшаров С.Ф. Первый металл Конды... — С. 38—39; Кокшаров С.Ф. Культура населения ... — С. 16—17, 20, 25, 26. Рис. 6.

⁵⁶ Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI... — С. 70, 73, 78, 84—85.

⁵⁷ Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). — М.: Наука, 1989. — С. 269—276.

⁵⁸ Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Сатыга XVI... — С. 65—66, 70, 80—81 и др.

⁵⁹ Кокшаров С. Ф. Культура населения... — С. 17, 26.

⁶⁰ Кокшаров С. Ф. Культура населения... — С. 17—19, 26—27.

⁶¹ Косинская Л.Л. Археологические памятники бассейна р. Пур... — С. 18; Борзунов В.А., Бельтикова Г.В., Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки поселения Барсова Гора II/22... — С. 217; Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Раскопки объектов кульеганского типа... — С. 238—239; Мызников С.А., Косинская Л.Л., Стефанов В.И. Селище Савкинская Речка I... — С. 68; Баранов М.Ю. Комплекс археологических памятников... — С. 346.

